

АКАДЕМИЯ

ТОМ 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНДРЕЙ ПРОХОДСКИЙ

18+

Андрей Проходский

Академия «Ковчег» 2 (Том 3)

<https://litres.ru/73994601>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мало нам было зомби-апокалипсиса, так еще и какие-то доброхоты проутюжили города Японии ядрен-батонами, и сама природа вдогонку решила не отставать и штормами и волнами выбрасывает корабли к и без того мертвым берегам. Выжившие люди сбиваются в банды, что режут друг друга за мешок риса, а в это время нам в Академии продолжают преподавать математику, ведь что? Правильно, математика — это важно.

Я же больше не просто студент, что прибыл в Японию по обмену. Со мной мой верный отряд, сестра, боевые товарищи и общежитие, что мы рано или поздно превратим в настоящую крепость.

И плевать, что каждый шаг наружу — это война за ресурсы, людей и само право на сытое будущее. Ведь система требует экспансии. А мир отвечает нам своим кровавым оскалом.

Но и внутри Академии беспокойно, конкуренты наступают на пятки. Никто не знает, что грядет в будущем, но ясно одно: **КРОВИ БУДЕТ МНОГО**, а нам только того и надо, ведь мы Ковен.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	20
Глава 2	37
Глава 3	52
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Андрей Проходский

Академия

«Ковчег» 2 (Том 3)

ПРОЛОГ

Артём Воронцов, бывший пленник людоедов, а ныне обладатель одной отсечённой головы.

Когда коптер с Иваном оторвался от палубы и ушёл в ночь, я ещё несколько секунд стоял, задрал голову, и смотрел ему вслед.

Смотрел до тех пор, пока огни аппарата не растворились в темноте и над лайнером снова не остались только ветер, гарь, кровь и тихий скрип мёртвого железа. Только тогда я понял, что всё это время не дышал нормально. Воздух со свистом вырвался из груди, ноги стали ватными, и меня вдруг так затрясло, что пришлось ухватиться за поручень.

Меня колотило далеко не от холода.

Я только что своими глазами видел, как один человек вырезал целый корабль людоедов так, будто вышел не на смертельный бой, а на утреннюю прогулку. Видел, как он смеялся, пока рвал людей на части. Видел его глаза. Слышал его голос. И хуже всего было не это.

Хуже всего было то, что в какой-то момент я поймал себя на мысли, что боюсь не того, что он меня убьёт, а того, что он однажды посмотрит на меня и решит, что я ему больше не нужен.

От этой мысли стало совсем мерзко.

Я вытер ладонью лицо, размазав по щеке чужую кровь, и посмотрел на то, что всё ещё держал в руке.

Голова ублюдка, который правил этим плавучим адом. Волосы липли к пальцам. Шея была неровно перерублена чёрным тесаком. На лице застыло такое выражение, будто он до последней секунды не поверил, что пришли убивать уже его.

— Ну что, — сказал я ей вполголоса. — Пойдём. Ты мне ещё пригодишься.

Говорить с отрубленной головой было плохим признаком состояния моей психики, но я решил не придираться к себе по таким пустякам. После сегодняшней ночи у меня вообще сильно расширились границы норм и дозволенного.

Я вернулся в кабинет.

Здесь всё ещё пахло кровью, вином, гарью и жареным мясом. На столе валялись амулеты, сальная тряпка, бутылка, перевёрнутая тарелка, куски еды, к которым я теперь старался не присматриваться. По полу тянулась тёмная дорожка из следов Ивана, и от одного взгляда на неё по спине шёл неприятный холодок.

Это место он тоже успел превратить в часть своего кош-

мара.

Я заставил себя отвести глаза от пятен на полу и заняться делом.

Старик Сайто Хиромаса был скрытным, а окончательно потекшая крыша усугубила его паранойю. Но про одну его ухоронку я знал. Его главный секрет был здесь, совсем рядом. Я знал это не потому, что был умнее всех, а потому, что слишком долго сидел у него под носом и наблюдал. Такие твари, как он, обожают оставлять себе маленькие тайные норы, куда не пускают даже ближайших шакалов.

У левой стены, за книжным шкафом, была декоративная панель. Со стороны это просто ещё одна часть роскоши капитанской каюты, уже провонявшая потом, жиром и кровью.

Я поставил голову на стол, отодвинул шкаф и быстро нашёл скрытый замок. После гибели хозяина тот уже не пытался изображать несокрушимую крепость. Щёлкнул с первого раза, говоря всем о своём поражении.

За панелью оказалась узкая дверь.

Я открыл её и на секунду замер на пороге.

Внутри было темно, но не полностью. Где-то в глубине мигал один тонкий зелёный огонёк. Воздух здесь был другой. Пыль, озон, палёная изоляция, нагретый металл. Отчётливый запах мёртвой компьютерной техники.

Вот она. Серверная. Ну или, по крайней мере, то, что от неё осталось.

Раньше здесь, видимо, стоял узел корабельного интеллек-

та. Главный мозг лайнера, что управлял буквально всем на борту. Сейчас от него остался вскрытый каркас, пучки кабелей, пустые гнёзда, почерневшие панели и разорванные блоки управления. Кто-то в своё время основательно покопался в потрохах этой дорогушей ещё совсем недавно, а ныне не стоящей совершенно ничего груды хлама. Но, не добившись ничего вразумительного, бросил всё как есть.

Это старик уже тоже приложил свою съедаемую артритом руку.

В углу, прямо на месте выгоревшего управляющего контура, стояла она — капсула виртуальной реальности. Одна из немногих в нашем мире. Конкретно эта была из премиум-версии, что была выкуплена за колоссальные деньги на закрытом аукционе. Я знал это достоверно, ведь у меня была такая же.

Гладкий тёмный корпус, мутноватая крышка, внешний биометрический блок, аварийный дисплей, подведённые кабели и толстый жгут питания, который уходил прямо в разъёмы мёртвого корабельного интеллекта. Я не знал всех технических подробностей, но суть понимал. Когда общий контур лайнера сдох, старик не стал оплакивать утрату и смерть цивилизации. Он выдрал для себя главное — возможность продолжать уходить в виртуал. Отрезал капсулу от старой каюты, притащил сюда, подцепил напрямую к остаткам питания и заставил корабль кормить свою игрушку из последних сил, что у него остались.

«Сволочь», — подумал я, но тут же мысленно поправил самого себя. — «Но что у него не отнять, сволочью он был умной».

Я подхватил голову за волосы и подошёл к капсуле ближе. Экран был тёмным. Но не мёртвым. Под слоем пыли изнутри теплилось слабое напряжение. Резерв жив. Солнечные панели или аварийный буфер, не важно. Хватит. Должно хватить.

— Только не вздумай сейчас сдохнуть, — сказал я уже капсуле.

Потом поднял голову старика и прижал его глаз к сканеру. Сработало не сразу. Пришлось выругаться, повернуть его морду чуть боком, пальцем раздвинуть веко и плотнее приложить глазное яблоко к стеклу. В какой-то момент сканер пискнул, экран ожил, и по матовой **поверхности побежали полосы загрузки.**

Доступ подтверждён.

Пользователь опознан.

Система «Галеон» активна.

Я почувствовал, как уголок рта сам собой дёрнулся вверх. — Вот так-то.

Крышка капсулы мягко ушла в сторону. Изнутри пахло спёртым воздухом, старческим потом, мочой, лекарствами и чем-то сладковато-гнилым. Эта тварь не просто пользовалась капсулой. Он в ней жил, дрочил на свою виртуальную власть и, видимо, чуть ли не спал здесь в перерывах между

разделкой людей.

Я скривился, но не отступил.

Сначала быстро проверил систему жизнеобеспечения. Отведение есть. Катетеры, датчики, медподводы, утилизация — всё на месте. Внутреннее состояние было грязное до омерзения, зато всё работает исправно. Я забрался в капсулу, стараясь не думать о том, кто лежал тут до меня, защёлкнул фиксаторы и вывел на экран главное окно.

Добро пожаловать.

Данная капсула закреплена за пользователем: Сайто Хиромаса.

Подтвердите статус пользователя.

— Мёртв, — сказал я вслух, хотя мог и просто выбрать нужную строку. — Совсем мёртв.

Система чуть подвисла. Потом строка изменилась.

Требуется подтверждение нового владельца.

Я ввёл личный код. Тот самый, который помнил лучше собственного дня рождения.

Капсула замолчала. Я даже успел подумать, что не сработает. Что всё, приехали. Что сейчас где-нибудь всплывёт красивое сообщение «идите нахер, уважаемый пользователь, вы не подходите по статусу».

Но вместо этого по экрану пошли новые строки.

Проверка

Новый пользователь подтверждён.

Капсула перепривязана.

Текущий владелец: Артём Воронцов.

Я закрыл глаза всего на секунду.

И вот именно в этот момент я вдруг очень ясно подумал о второй капсуле. О той, старой, личной. Которую мне когда-то подарил отец как часть личного капитала, что должен был стать основой моего будущего. Именно её я выбрал, когда узнал, что единственный человек, что я мог назвать своим другом, выиграл подобную капсулу в лотерею. А теперь я даже не сомневался: как только меня похитили и сочли списанным, отец тут же забрал её в своё единоличное пользование. Потому что ресурс не должен простаивать.

Ну что ж. Значит, с этого момента я официально перестал быть просто сыном того самого Воронцова, пора уже становиться тем самым Артёмом, своим собственным.

Я активировал погружение.

Реальный мир окунулся во тьму, сменяясь виртуальным пространством. Не было красивого провала, светового тоннеля или прочей дешёвой херни. Просто в один момент исчезли вонь, кровь, боль в затёкших мышцах, и вместо них пришли свет, воздух и стабильный пол под ногами.

Я стоял в технологическом коридоре орбитальной станции.

Как и всегда, первое ощущение здесь было одно и то же: порядок. Чистый свет на серых полимерных стенах. Пол с жёлтой разметкой, что еле видно мерцает, указывая пользователю направление к главному хабу. Ровный гул вентиля-

ции в такт мягкому отблеску экранов. Всё настолько правильно и спокойно, что после несовершенной реальности это почти било по нервам.

На мне был стандартный технический комбинезон. Серый, с маркировкой оператора модулей реконкиты. Я подошёл к ближайшему иллюминатору.

Внизу висела планета. Большая, живая, вся в зелени мутированных джунглей, покрытых вечным туманом, рассекаемых ломаными линиями рек. Этот вид был красив до нереальности. И только от мысли, что эта картинка давно стала для меня привычной, я снова ощутил знакомое спокойствие.

Это место было виртуальным. Но не игрушечным, не посредственной имитацией для детей богатых родителей. Слишком многое здесь работало по-настоящему, и слишком многое из происходящего тут влияло на реальных людей. Моё похищение тому самый точный пример.

По коридору мимо прошли двое других игроков. Один в инженерной форме, второй в каком-то лёгком боевом комплекте. Они даже не посмотрели на меня. Для них я был таким же штатным винтиком огромной системы, как и они сами.

И это тоже было правильно.

Запрос входящей связи.

Источник: семейный канал.

Я невольно усмехнулся.

— Ну конечно. Принять.

Передо мной развернулось окно связи. Отец сидел когда-то в нашем общем, а ныне, я точно уверен, уже в своём личном операторском кресле так, будто не он последние дни, возможно, торговался за мою шкуру с людоедами. Лицо спокойное, взгляд собранный. Ни тени паники о потерянном сыне и ни тени радости от того, что он наконец-то нашёлся.

— Артём, — сказал он. — Как ты выбрался?

Вот так. Без «ты жив», без «я рад тебя видеть». Сразу к сути.

— Сам, — ответил я.

Его взгляд чуть сузился.

— Подробности, — в приказном тоне прорычал он.

— Потом, — холодно отрезал я, будто инстинктивно перенимая его манеру общения.

— Нет. Сейчас.

Отец всегда говорил таким тоном, будто мир создан из двух сортов материи: того, что подчиняется ему, и того, что он ещё не успел подчинить. Обычно это работало. Сегодня — нет.

— Меня уже тошнит от этих подробностей, — сказал я.

— Я выбрался. Этого пока достаточно.

— Тебя искали, Артём.

— И нашли слишком поздно. Настолько поздно, что я успел сам отпинаться.

Он пропустил шпильку мимо ушей.

— Когда ты возвращаешься домой?

— Пока не возвращаюсь.

Вот тут в его лице что-то едва заметно изменилось. Не злость. Не удивление. Скорее, короткий сбой картины мира. Он не ожидал услышать именно это.

— Повтори.

— Я сказал, что пока не возвращаюсь, — ответил я уже спокойнее и даже с удовольствием. — У меня тут дела.

— Ты не в том положении, чтобы принимать такие решения.

— Уже в том.

Он подался вперёд.

— Артём, за твоё освобождение требовали старый корвет. Боевой, пусть и устаревший. Ты представляешь, какие ресурсы были задействованы, чтобы

— Оставь его себе, — перебил я.

На секунду повисла тишина.

— Что?

— Корвет. Оставь себе.

Отец замолчал. И это было почти приятно.

— Ты сейчас разговариваешь не как человек, которого только что вытащили из плена, в который он угодил по своей глупости, — сказал он наконец.

— А как человек, которого из плена вытащил посторонний человек, а не собственный отец.

Вот тут он действительно посмотрел на меня иначе.

Я знал этот взгляд. Так он смотрел на контрагентов, ко-

торые вдруг переставали вести себя как зависимые игроки. Не как отец на сына, а как глава корпорации на филиал, что неожиданно заявил о собственной автономии.

— Ты вернёшься, — сказал он ровно. — Позже, но вернёшься. И тогда мы обсудим всё в нормальном порядке.

— Может быть, — ответил я. — Но не сегодня.

И сам отключил связь.

Сердце стучало быстро. Не от страха даже, а от совершенно нового и почти что пьянящего чувства. Я только что впервые в жизни оборвал разговор с ним на своих условиях.

Перед глазами тут же вспыхнуло новое уведомление.

Обработка ранее зарегистрированного запроса завершена.

Выполнено отложенное персональное желание.

Обнаружен искомый сетевой след.

Из-за прошедшего разговора с отцом я даже не сразу понял смысл этого сообщения. Потом перечитал ещё раз.

И уже в следующую секунду меня будто током ударило.

— Нет — выдохнул я. — Да ладно.

Когда-то давно, ещё до всей этой мясорубки, я оформил простую хотелку. Нашёл в списке системных наград странный, почти бесполезный пункт: одно отложенное поисковое действие по пользовательскому следу. Тогда это казалось глупостью. Почти шуткой. Но я всё равно вбил туда один запрос.

Найти Станислава Волошина.

Система молчала почти месяц с момента конца света. А теперь вдруг выдала ответ.

Источник активности обнаружен.

След зафиксирован на системном аукционе.

Я открыл окно сразу.

На экране всплыл тот самый лот, что выставил Стасян. Не имени, не нормального профиля. Просто кусок металла, на котором нацарапанная невнятная надпись.

«У него, как всегда, корявый почерк», — отметил я, пытаюсь разобрать эти каракули. Ну, оставив эту изначально тщетную затею, я всё-таки себя поправил. Мне этого хватило. «Хотя оно и неудивительно, он ведь слепой в реале. Ну, мне хватит и этого».

Я не стал ничего анализировать. Не стал искать подтверждения. Я просто понял.

Жив.

Сука, жив.

У меня даже пальцы дрогнули, но я взял себя в руки, открыл окно запроса продавцу и начал печатать.

«Стасян, это Артём, я наконец-то тебя нашёл».

«Я так рад, что ты жив».

Пальцы остановились на секунду. Потом пошли дальше.

«Очень надеюсь, что ты справишься, но чего ж это я».

«Это ж ты».

И ещё.

«Я нашёл способ вернуть тебе глаза».

Я отправил сообщение и только после этого осознал, что всё это время где-то на периферии зрения висят системные логи, которых раньше не было.

Новый функционал обнаружен.

Текущая капсула классифицирована как удалённый модуль.

Статус: базовый узел.

Положение узла: враждебная территория.

Подключение к локальному контуру

Попытка захвата инфраструктуры

Я нахмурился.

Сначала даже подумал, что это какой-то баг игры. Потом перечитал строки внимательнее.

Нет. Это не баг, это пиздец.

— Охренеть — сказал я вслух.

Тем временем лайнер в реальности.

Пока Артём лежал в капсуле виртуальной реальности, а его сознание уже шагало по чистым коридорам орбитальной станции, в реальном мире на мёртвом лайнере произошло почти незаметное, но очень важное для будущего всех тех, кто спасается от ужасов умирающего мира в мире, что умер века назад.

Сначала ничего не было.

Только ветер гулял по верхним палубам, хлопая плохо закреплённым металлическим листом. Где-то в глубине судна

скрипела переборка. Волны тяжело били в осевший на мель корпус. В окровавленных коридорах, по которым ещё совсем недавно прошёлся поступью резни Иван, снова воцарилась та мёртвая тишина, которая всегда приходит после кровавой бойни.

Потом в одной из выжженных распределительных коробок под потолком вспыхнул тусклый зелёный огонёк.

Он горел неровно, будто сам не верил, что сумел проснуться.

Через пару секунд где-то дальше, на нижней палубе, сухо щёлкнул магнитный замок одной из кают. Ему ответил второй, потом третий, и весь коридор огласил неровный гул разномастных щелчков.

По тёмному коридору, где на стенах ещё блестела не успевшая засохнуть кровь, один за другим моргнули аварийные светильники. Первый загорелся и сразу потух. Второй вспыхнул слабым жёлтым светом, подрагивая как огонь на ветру. Третий уже смог удержать нить жизни в своей лампе, и под ним стало видно растёкшуюся по полу чёрно-красную жижу, брошенный нож и босую старческую ступню, торчащую из-за поворота.

Где-то в глубине корабля протяжно загудел вспомогательный насос.

Звук был слабым, рваным, почти болезненным, но живым. Следом дёрнулся ещё один контур. По мёртвым кабельным трассам пошёл ток. На мостике, где давно не осталось

ни капитана, ни внятной власти, один из треснувших экранов вдруг моргнул белой полосой, потом покрылся рябью и выдал короткую строку диагностики. В машинном отделении лениво прокрутился один из вспомогательных валов. Не на полный оборот, даже не на пол-оборота, а всего лишь поддался лёгкой предсмертной судороге.

Этого уже хватило, чтобы весь корабль словно сделал первый вдох после долгого удушья.

На внешнем борту, над чёрной водой, на секунду вспыхнул и тут же погас ходовой огонь. За ним — ещё один, на корме. Слишком слабый, чтобы подать сигнал кому-то далёкому. Но достаточно яркий, чтобы обозначить простую вещь: внутри мёртвого лайнера снова завелось что-то, что пытается взять его под контроль.

В серверной, где за матовой крышкой капсулы лежал Артём, на внутреннем сервисном мониторе беззвучно побежали новые строки.

Обнаружен внешний модуль.

Попытка частичной инициализации инфраструктуры.

Подтверждён статус базового узла.

Начата адаптация локальной среды.

И где-то очень глубоко, в самом брюхе корабля, далеко за кухнями, коридорами и трюмами, в отсеке, до которого не добрался ни Иван, ни людоеды, с тихим металлическим щелчком приоткрылся запечатанный технический шлюз.

Совсем чуть-чуть.

Ровно настолько, чтобы дать понять: лайнер не просто дёрнулся в посмертной судороге.

Он начал просыпаться.

Глава 1

После моего отчаянного шага в пустоту мир вокруг меня закрутился безумной юлой. Коптер, что продолжил свое движение по заданному Артёмом ещё на лайнере каннибалов маршруту, сразу ушёл вперед и вверх. Нет, не так, на самом деле это я быстро и неумолимо проваливался вниз. Насрать, разницы для меня не было никакой. Внешний мир ударил ветром в лицо. Кабина, красные огни и вырванная дверь — всё осталось позади, быстро превращаясь в тёмный силуэт на фоне сереющего неба.

Я даже смог выровнять свое положение, но потом мое везение закончилось, и ракета, выпущенная Джулией, все же догнала коптер.

Вспышка взрыва была такой яркой, что её было видно даже сквозь мои инстинктивно зажмурившиеся от хлещущих в лицо потоков ветра веки. Звук же пришёл с запозданием. Он был короткий, тяжёлый и ни хера не похожий на киношный взрыв.

Ударная волна догнала меня через мгновение.

Она ударила в спину, и эффект был такой, словно огромный великан решил смахнуть пролетающую перед его лицом букашку. Воздух вышибло из лёгких. Тело бросило вперёд и в сторону. Мир сорвался с места и закрутился с новой силой: море, небо, кусок горящего коптера, снова море, серые

облака, оранжевые искры и бездонная темнота под ногами.

Я быстро и полностью потерял возможность ориентироваться в пространстве, а мое тело будто стремилось завернуться в клубок. Ветер рвал и без того разодранную людодами одежду и бил своими порывами, словно хлыстами, по лицу. Я попытался развести руки, чтобы хоть как-то стабилизировать свое падение, но у стихии на этот счет было другое мнение, и она провернула меня ещё сильнее. В голове щёлкнула простая мысль, что если сейчас не выровняюсь и войду в воду боком или спиной, то мой путь в этом недобром мире закончится сразу и с гарантией.

Перед глазами дрожал красный текст.

Неконтролируемое падение.

Внешнее ударное воздействие: зафиксировано.

Оценка высоты: критическая.

Безопасное приводнение невозможно.

Прогнозируемые повреждения: множественные.

Вероятность летального исхода: высокая.

«Высокая вероятность, говоришь?» — вспыхнула в голове злая мысль. — «Нехер было меня сбивать, сука, ты неблагодарная».

Я сжал зубы. Разведя руки в сторону, согнул ноги и попытался поймать поток воздуха, используя свое собственное тело как хвостовик. Вращение не остановилось сразу, и меня ещё дважды провернуло, но успеха я всё-таки добился. Моё положение было всё ещё херовое, но зато без вращения, так

что засчитаем это за первую победу в борьбе с такой бессердечной сукой, как гравитация.

Сверху падали обломки.

Самая большая часть невинно убиенного коптера горела и летела рядом, постепенно нагоняя меня. Один кусок металла прошёл в полуметре от моего тела, вращаясь, как брошенный нож. Я даже не дёрнулся, ведь мне сейчас было не до лишнего мандража по пустякам.

А море всё приближалось и с каждым мгновением делало это всё стремительней, проявляясь предо мной во всём своём монументальном величии. Проявлялись и становились отчётливо различимыми волны, рваные линии пены и тяжёлые провалы между гребнями. Вода была не чёрной, а свинцовой, с зелёным отблеском.

Система продолжала снабжать меня позитивом.

Контакт с поверхностью через девять секунд.

Рекомендация: стабилизировать вертикальное положение тела.

Рекомендация: защитить голову.

Рекомендация: снизить мышечное напряжение перед ударом.

— Сама попробуй, а не советы давай, — прохрипел я, борясь с бьющими в лицо порывами ветра.

Мало было проблем, так вдобавок мою голову будто топором перерубило. Другого более близкого сравнения я буквально не могу подобрать. Боль, что вспыхнула в секунду,

перекрыла собой страх от полета, что почти со стопроцентной вероятностью закончится моей смертью. Но боль, что появилась так резко, столь же быстро и исчезла. Я распахнул глаза, зажмуренные во время вспышки боли, и к шоку своему узрел, что реальность вокруг меня буквально треснула. И в привычную, пусть и страшную, картину влезло что-то второе, и мозг на миг отказался выбирать, чему верить.

Подо мной всё ещё было море.

И одновременно подо мной был лес.

Огромный тёмный лес на месте воды. Не зелёный и живой в обычном смысле этого слова, а чёрная чаща, густая до полной неподвижности. Деревья стояли так плотно, что между ними почти не было просветов. Верхушки шли волнами, повторяя движение моря, но это были не волны, а лишь иллюзия, созданная противоестественным шевелением десятков тысяч крон.

Я попытался проморгаться, и даже ветер, к моему удивлению, не пытался помешать и, как раньше, вдавить мои аугментированные глаза в мой же родной череп. Но даже так это нисколько не помогло. Мир всё так же остался сдвоенным. Обе реальности, сменяясь одна на другую, то вдруг на считанные доли секунды буквально накладывались и сливались вместе.

В реальности я падал к воде. В изнанке, и да, это была именно она, я летел напрямик в эту чёрную чашу. Академия тоже была на себя не похожа. В изнанке на её месте подни-

малась гора, что была отрезана от черного леса прозрачным куполом.

Купол не светился. Он был замечен только потому, что тьма вокруг не могла пройти через него. Лес подходил вплотную, давил со всех сторон, но обрывался у невидимой границы.

И не успел я даже попытаться обдумать это открытие напоследок перед столь глупой смертью, как внутри меня дёрнулось нечто.

Очередная вспышка боли пришла не из головы, как в прошлый раз, а поднялась из глубины моего естества. Будто кто-то ухватился за мою душу, разрывая ту на две части, выбираясь наружу и одновременно вырывая из неё кусок меня.

И в эту секунду я понял, что происходит. Кокон, он раскрывается.

То самое благословение, коим когда-то наградила меня «Та, кто хранит». То самое, что должно было питаться мной на протяжении десятков лет. А через меня и теми, кто был скован со мной клятвой. Моим ковром.

Я был центром.

Они питали меня. Я питал кокон. А кокон ждал момента, чтобы выпустить в тот тёмный мир её дитя.

Так, по крайней мере, должно было быть, но что-то пошло не так.

«Оно не должно было проснуться так рано», — забились в голове мысли, что даже вытеснила собой ожидание смерти.

— «Мы должны были питать его ещё...»

Паническая мысль прервалась, ведь я увидел её.

Не полностью и не во всей красе, как видел годы назад её мать. Она, а это было не аморфное существо, как я ожидал, а именно что она. Темная девушка проступила в изнанке, будто силуэт за мокрым стеклом. Тонкая, обманчиво хрупкая, с неправильными пропорциями тела. Она была одновременно и юной девушкой, и в то же время неведанным существом, сплетенным из темного тумана.

Она не должна была быть такой... человеческой и не должна была рождаться так рано.

Если бы кокон дозрел, если бы прошли те самые десятки лет, из него должно было выйти не это. Не маленькая девочка с испуганным лицом, большие глаза которого неотрывно смотрели на меня, словно пытались запомнить моё лицо до малейших деталей, и с рваными тенями за спиной, что были похожи на крылья, которые в данный момент пытались замедлить наше падение и рвались от потоков безумного потустороннего ветра.

— Папочка, нет! — и это были первые её слова после рождения. И голос... Голос был детский, тот самый, что я слышал в отдалении, когда творилась кровавая резня среди людоедов.

Именно это пробрало меня сильнее всего. Не её вид, не тьма крыльев за спиной, а голос. Испуганный, сорванный и почти обиженный. Так кричит ребёнок, когда видит, что

взрослый сейчас сделает что-то непоправимое.

После крика за её спиной окончательно сформировались и раскрылись крылья. Они не походили ни на что, видимое мной ранее, скорее напоминая рваные лоскуты тьмы, которые держались вместе только потому, что она заставляла их держаться. Края распадались, вытягивались дымом, снова собирались. Она дёрнула ими, и меня ударило болью под рёбра, хотя в реальности никто меня не трогал, а тело продолжало свое падение.

Но тут в изнанке она буквально вцепилась в меня. Её когти на руках и ногах пробили моё тело, словно огромные мясницкие крюки для подвешивания туш на бойне. Но, несмотря на адскую боль, что разрывала мою и без того израненную душу, я улыбался, ведь даже в ней я отчетливо ощущал безмерную любовь и заботу, что проникали в меня сквозь нашу нерушимую связь.

Меня выгнуло в воздухе, и на секунду мне даже показалось, что наше падение, пусть и ненамного, но замедлилось. В реальности я всё равно летел вниз. Но на изнанке она вцепилась в меня и всеми силами упёрлась своими рваными крыльями о воздух, с каждым мгновением тормозя моё крутое пики.

— Держись, милая, — и это то единственное, что я смог выдать из сведённых калейдоскопом райской боли и адского блаженства губ.

Не знаю, услышала ли она меня, но, увы, сделать я больше

ничего не мог.

Она пронзительно кричала, заставляя содрогаться всё вокруг, а в реальности ей солировали морские волны, что грохотали, сталкиваясь друг с другом. Чёрные крылья её дёргались, рвались, снова собирались и так раз за разом. Вокруг нас в изнанке летели обрывки тьмы, похожие на пепел.

Краем реального зрения я смог вырвать обрывки системных сообщений, которые Джулия не переставала отправлять ни на секунду.

Скорость падения: снижена.

Причина: неизвестна.

Вероятность выживания: пересчитана.

Итоговая оценка: крайне низкая.

«Ну хоть не нулевая, уже неплохо», — с сонной неторопливостью прокрутились мысли в моей голове. — «Значит, побарахтаемся».

До воды оставались секунды.

Я выпрямил ноги. Руки скрестил на груди. Челюсть сжал так, что зубы скрипнули. Внизу в очередной раз схлестнулись волны, отмечая место моего падения толстой шапкой морской пены.

Девочка в изнанке прижалась ко мне сзади. На ощупь она была холодная и почти невесомая. Её руки с когтистыми пальцами стискивали меня в объятьях, будто она боялась меня потерять.

— Не умирай, пожалуйста, — прошипела она, и в её го-

лосе я услышал всю вселенскую любовь и заботу, что только могла быть в этом мире.

После этих слов мои глаза распахнулись. Меня пробила судорога, я будто получил разряд тока, что потряс всё моё тело и наполнил меня новой, неведомой доселе силой, а мои клыки прокусили губы, превращая их в кровавую бахромку.

И именно в этот момент я... нет, не нырнул, я буквально протаранил это чёртово море.

Первичный удар пришёлся в ноги и, не затухая, напрямиком в позвоночник. В этот момент мне даже показалось, что тот вот-вот осыплется мне в трусы, как дженга. Следом пришедшая сбоку новая волна свернула тело пополам и тут же приложило о бок. Боль вспыхнула везде и сразу. В треснувших рёбрах, во многострадальном позвоночнике и в голове. Воздух вылетел из лёгких сам, без моего согласия. Рот раскрылся в немом крике агонии, и туда тут же хлынула солёная вода, что будто хотела наполнить меня собой по самое горло.

Мир, что секунду назад был кроваво-красным, вдруг наполнился тьмой изнанки. Вода же сменилась ветками, что, словно когтистые лапы десятков чудовищ, стремились разорвать мою душу в клочья.

И в следующую секунду я снова ощутил себя под водой, что болтала меня туда-сюда, словно безвольную куклу, угодившую в стиральную машинку. Вода крутила, ломала, тянула за потяжелевшую одежду и била по лицу. Я не понимал, где верх, а где низ. Система забивала весь обзор пани-

ческими сообщениями, чем ещё больше мешала мне взять под контроль вестибулярный аппарат.

Критическое воздействие.

Потеря дыхательного ритма.

Вероятное повреждение грудной клетки.

Вероятное повреждение правого плечевого сустава.

Вакцинный контур нестабилен.

Регенеративный ответ активен.

Ресурс недостаточен.

Ресурс недостаточен.

Я попытался вдохнуть, но лишь хлебнул ещё воды напополам с пеной. Зубы сомкнулись сами, разрывая и без того пострадавшие губы. В горле горело от соли. Лёгкие требовали воздуха с такой силой, что все мысли сжались до одной концентрированной, как игла, идеи.

Вверх.

«Надо вверх».

«Но где этот верх?»

Потом пузырьки прошли мимо лица, и я рванул за ними.

Правая рука не работала нормально. В плече что-то щёлкало и жгло. Левая слушалась куда лучше. Ноги свело почти сразу, но они хотя бы двигались. Я грёб криво, просто выталкивая себя из глубины.

В груди не хватало места для боли.

Всё тело стало одним большим переломом.

Ещё гребок.

Ещё.

Вода светлела.

Я ударил ногами, вытянул шею и вырвался наружу.

Первый вдох не получился. Вместо воздуха в рот снова попала вода. Меня накрыла волна, крутанула, но теперь я хотя бы знал, где поверхность. Я забился, вынырнул второй раз и сумел вдохнуть.

Воздух ободрал горло, но боль, что я сейчас испытал, я принял за блаженство.

Кое-как держась на воде, я закашлялся. И это сразу отозвалось в груди таким коктейлем ощущений, что перед глазами пошли чёрные пятна. Рот тут же заполнился кровью. Она была тёплая, солёная и... своя, так что, взяв себя в руки, я с усилием проглотил её. Смешавшись с морской водой, её вкус стал ещё более мерзким и каким-то металлическим.

Я держался на поверхности.

Плохо, но держался.

Вокруг было море. Вблизи оно оказалось не ровным и не тёмным, а тяжёлым, живым и злым. Волны то поднимали меня, то опускали в провалы. Академия была где-то сбоку. Я видел огни, но они расплзались пятнами. Небо серело. До рассвета оставалось немного.

Система пыталась построить маршрут.

Навигация нестабильна.

Вестибулярное нарушение.

Рекомендация: сохранять плавучесть.

Рекомендация: ожидать спасения.

«Ждать?» — поморщился я мысленно. — «Ну уж нет».

Я повернул голову и едва снова не ушёл под воду.

Попытался сориентироваться в пространстве, но не получилось. Глаза видели одно, изнанка накладывала другое. Там, где в реальности было море, внизу подо мной всё ещё шевелилась чёрная чаща. Волны превращались в кроны. Пена — в серый туман между ветками. Иногда мне казалось, что из леса смотрят глаза его темных обитателей, что никуда не торопятся и просто ждут, когда я сдамся или окончательно устану.

А я и так уже устал. Всецело и полностью.

Я перевернулся на бок и начал активно грести. Направление сначала было неопределённым. Но затем я ощутил присутствие своих. Хотя я не видел и не слышал их, я чувствовал, что они где-то впереди.

Это ощущение не проходило через глаза. Оно сидело глубже. Как тепло за стеной. Как запах дыма во тьме, когда человеческое жильё ещё далеко, но ты уже знаешь, в какую сторону идти. Там были люди, связанные со мной клятвой. Там был мой ковен. Моя команда. Моё...

Я грёб одной рукой, потом другой. Правая плохо слушалась, но двигалась. Ноги сводило судорогой. Иногда волна бросала в лицо столько воды, что я терял ритм и несколько секунд только кашлял. Потом снова начинал плыть.

Время исчезло.

Остались короткие куски.

Вдох.

Вода.

Боль.

Гребок.

Красный текст системы.

Тёмные ветви подо мной.

Снова вдох.

Пару раз меня почти выключало, но тогда внутри снова шевелилась она. Слабо, очень слабо. На этот раз она ничего не говорила. Просто сжимала где-то под сердцем своими маленькими холодными пальцами. И я просто продолжал плыть дальше.

Система бомбардировала меня сообщениями. Некоторые мне даже удавалось читать, пусть и обрывками.

Температура тела снижена.

Риск потери сознания: высокий.

Регенеративный ресурс на критическом уровне.

Рекомендация: немедленная медицинская помощь.

Я бы с радостью. Только сначала надо было не утонуть.

Потом я услышал мотор.

Сначала решил, что это рокот крови отдаётся в моей голове. После такого количества ударов там могло гудеть вообще что угодно. Но звук повторился. Низкий, тяжёлый и настоящий. Потом второй. С другой стороны.

Я поднял голову.

Волна тут же ударила в лицо, но между гребнями я успел увидеть оранжевое пятно.

Спасбот.

Но стоило только моргнуть, как пятно исчезло. Потом появилось снова, но уже ближе. Рядом ещё одно. Оранжевые борта прыгали на воде, то пропадая, то выныривая из-за волн.

Я попытался поднять руку, но она поднялась лишь на пару сантиметров и тут же опустилась. Попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь хрип. Однако меня и так уже заметили.

Ближайший бот резко поменял курс. Его мотало на волнах, круглый нос то задирался, то проваливался вниз. На его крыше кто-то стоял, держась за веревочный поручень, и показывал в мою сторону. До меня донеслись голоса. Сначала неразборчивые. Потом один прорезался яснее остальных:

— Там он! Правее! Правее, мать твою!

Русский мат посреди японского моря прозвучал почти как музыка. Я попытался улыбнуться, но израненное лицо не слушалось.

Бот подошёл ко мне вплотную, и каждой новой волной его могло просто бросить на меня. Но мне повезло, и меня не накрыло оранжевым корпусом. Сначала с борта в мою сторону кинули конец. Верёвка упала в паре метров. Я посмотрел на неё и понял, что не доплыву даже эти два метра.

Кто-то выругался.

Потом с борта прыгнул человек.

За ним второй.

Они погребли ко мне сквозь волны, тяжело, зло, ругаясь и захлёбываясь. А стоило первому из них до меня добраться, как схватил меня за ворот и сразу ушёл со мной под волну. Я не сопротивлялся, ведь сил уже просто не было.

Он вытащил меня обратно и заорал прямо в лицо:

— Живой?!

Я хотел ответить, что это спорное утверждение, но, увы, у меня не вышло даже такой малости.

Второй поднырнул сбоку, зацепил меня и протянул верёвку под грудью. Она врезалась в рёбра так, что я почти потерял сознание. Потом сверху начали тянуть. Я ударился коленом о борт. Потом плечом. Кто-то сверху схватил меня за ремень, а когда его рука соскользнула, то он без грамма стеснения схватил меня за волосы, затаскивая мою израненную тушку на крышу спасбота.

— Держи голову!

— Да держу я!

— Осторожно, у него рука переломана!

— Потом разберемся, тащи давай!

От удара спиной о мокрый пластик из моей груди снова вышибло воздух. Я закашлялся так, словно мою грудь буквально раскрыли изнутри. Кто-то из ребят предусмотрительно повернул меня на бок. Вода, смешанная с кровью, рывками выходила из моего тела.

Голоса вокруг смешались в кашу.

— Это он?

— Он, кто ещё.

— Живой?

— Пока да.

— Его в капсулу надо!

— Мари-сама уже занимается этим!

— Не трясите его, идиоты!

Я всё так и продолжал лежать на боку, пока из меня выходили последние остатки воды. Потом меня осторожно перевернули на спину, что вызвало во мне новую волну боли, но мне было уже плевать, и просто смотрел вверх, игнорируя всю чехарду, что происходила вокруг меня.

Реальное небо было бледным. Серые облака тянулись над морем ровными слоями. Между ними проступал слабый свет. День начинался спокойно, как будто ночью никто не падал с неба и не бился со стихией на грани смерти.

Система снова вывела сообщение.

Состояние: критическое.

Сознание: нестабильное.

Необходимо немедленное погружение в медицинскую капсулу.

Я бы снова сказал ей спасибо, но сил на язвительность не осталось.

Сознание и так отступало, как вода после волны. Сначала исчезли голоса. Потом холод. Потом боль стала глухой и

далёкой.

И тогда я почувствовал её рядом. Я видел её не глазами. Скорее знал, что она там на изнанке.

Маленькое тёмное тельце. Узкие плечи и рваные крылья, что спадали, словно это потрёпанный плащ. Она была холодна, измучена и почти полностью пуста. Всё, что могло гореть в ней, сгорело во время падения.

Она робко легла рядом со мной, придвинувшись ко мне плотнее, положив голову на моё плечо и накрыв нас обоих своими крыльями, как одеялом. От неё исходил приятный запах леса, мокрой земли и свежей крови.

— Теперь всё будет хорошо, папочка, — сказала она, засыпая.

Я расслабился и провалился в сонное марево небытия.

Глава 2

Сознание возвращалось настолько медленно и неохотно, будто давало мне явственно понять, что оно и так натерпелось с таким тираном, как я, и требует отпуска. Но, увы, для него, да и для меня, собственно, тоже, не в этой жизни.

Я попытался открыть глаза, но веки, как и всё остальное тело, слушались с сильной неохотой. В первое мгновение оно вообще показалось мне не моим и настолько чуждым, что я даже ненадолго занервничал. Но на благо моей и без того расшатанной психики я всё же ощутил то самое, что подтверждало: тушка всё же моя, пусть и ощущается странно.

Меня накрыла волна фантомной боли. Моя старая подруга, что сопровождала меня на всём пути становления тем, кто я есть сейчас, будто обиделась и решила отыграться за то, что я, негодяй эдакий, посмел сбежать с нашего randevu и просто-напросто вырубился.

Шутки шутками, но мне было реально херово. Болело всё, что могло и не могло болеть, но во всём списке костей, мышц и сухожилий выделялась челюсть.

Я попытался пошевелить языком в надежде понять, что тут, собственно говоря, не так, и тут же зацепился за аномалию. Я нащупал зуб. Да-да, прямо удивительно, великий и ужасный я нашёл у себя во рту зуб, и даже, сука, не один, но тут, как говорится, есть нюанс: это лишний зуб. Нет-нет,

уточню, это лишние зубы.

Продолжив своё исследование, я понял: рядом с обычным клыком сидело что-то, что на фоне остальных зубов было длиннее и острее. Справа то же самое. Снизу два выраженных клыка тоже стали больше, чем полагалось нормальному сертифицированному сучьему человеку, который не собирается кусать чужие шеи.

— Великолепно, — прохрипел я. — Просто охерительно, я бы даже сказал.

От выдавленных с таким усилием фраз моя изменённая челюсть заныла с новой силой, а сами слова показались мне глухими и надтреснутыми, словно я слышу самого себя через фонащую от сторонних сигналов рацию.

Я осознал, что нахожусь в знакомом пенале медицинской капсулы. Стоило только определить, где я, собственно говоря, нахожусь, как перед глазами всплыл полупрозрачный интерфейс.

Студент Иван Колесников.

Состояние: стабилизировано.

Жизненные показатели: в рамках допустимого.

Регенеративный ресурс организма: критически истощён.

Последствия травматического воздействия: частично устранены.

Остаточные повреждения: под наблюдением.

Рекомендация: сохранять неподвижность до завер-

шения диагностики.

— Ага. Сейчас. Только шнурки поглажу, — ответил я этой меткой сволочи, что с первого же залпа снесла транспорт, на котором я мчался в её удушающие объятия.

Система сделала вид, что издевку не услышала. Или услышала, но решила не поощрять моё словоблудие своей реакцией.

Зафиксировано нештатное продление действия вакцинного контура.

Механизм не установлен.

Зафиксированы остаточные мутационные изменения.

Часть изменений откатить удалось.

Часть изменений признаны функционально допустимыми.

Я лежал, смотрел на текст и пытался понять, сколько во мне нынешнем осталось от человека. И не превратился ли я в какую-то жуткую кракозябру, что местная хозяйка решит утилизировать чисто для сохранения генофонда.

— Что это значит «функционально допустимый»? — спросил я, с радостью отметив, что речевой аппарат, который жутко троил до этого, начинает приходить в норму.

После заданного мной вопроса Джулия сделала небольшую паузу. Да, это всего лишь доли секунды, но я всё равно это заметил.

И вот именно это всегда меня и раздражало в местной хо-

зьяйке. Она то отвечала как живая вредная девчонка, надённая богомерзким количеством власти над всеми нами, то вдруг становилась сухой машиной, у которой вместо души воткнули Excel-табличку. И ведь никогда заранее не угадаешь, какой вариант тебе сегодня достанется.

Функционально допустимой является модификация, не снижающая жизнеспособность студента и не препятствующая выполнению учебных, боевых и социальных задач.

— Социальных? — переспросил я и снова зацепил языком клык. — Серьёзно? С вот этим?

Данные внешние изменения не признаны критическими. Они находятся на стадии изучения реакции других индивидов на данную аномалию в своей среде обитания.

— Что, блять? — от данного заявления я был не просто в шоке, я охерел. — Ты мне прямым текстом говоришь, что тебе любопытно, как другие студенты будут шугаться от моей новой ослепительной улыбки?

От данной тирады у меня с новой силой заболел рот, но мне было уже плевать. Ведь это мелочи на фоне того, что творит эта доморощенная вивисекторша.

Вместо ответа медицинская начинка внутри капсулы едва заметно шевельнулась, а где-то под моей спиной щёлкнуло невидимое мной крепление, что фиксировало меня в лежачем положении. Острый укол боли под лопаткой, заста-

вивший меня вздрогнуть, превратился в волну тепла, перешедшую через плечо в ещё вчера переломанную в щип руку и остановившуюся в районе кончиков пальцев. И только тогда я понял, что теперь могу шевелить ещё и рукой, что стало той самой хорошей новостью, полностью смывшей моё негодование от неконвенциональных социальных экспериментов одной отдельной личности.

Джулия продолжила как ни в чём не бывало:

Зафиксировано употребление биологического материала незарегистрированных человеческих особей.

Характер материала: нестандартный.

Степень загрязнения: высокая.

Влияние на вакцинный контур: подтверждено частично.

Запрос: уточнить обстоятельства употребления биологического материала.

Я закрыл глаза.

Ну вот и началось.

— Кровь япил, — сказал я и тут же продолжил: — И много. Но не потому, что каннибал и людоед. Ну, вернее, не только из-за этого, короче, так вышло.

Поясните.

— Чё тут пояснять, собственно. Попал в говняную ситуацию, где расклады были между «сдохнуть и стать чьим-то ужином» и «сожрать этих негодников». Я сполна выбрал второй вариант. Не первый раз, в принципе.

Употребление человеческой крови не является подтверждённым способом продления действия вакцины.

— У тебя не является. А у меня сработало. Я этот, как его... — сделал вид, что запнулся, но тут же продолжил: — а, вспомнил: юный и растущий организм, — и тут же вспомнил, как носился по тёмным коридорам лайнера и кромсал местных бабулек и дедулек, вставших на скользкую дорожку радикального человеколюбия.

Как вдруг эти красочные моменты моей юности прервала дотошная Джулия со своими расспросами.

Такой механизм требует изучения.

— Всё в этом мире требует изучения, особенно если уж очень хочется залезть к испытуемому, так сказать, под капот и покопаться в его содержимом.

Своё приподнятое настроение и прочие шутки-прибаутки, что я сейчас всю генерировал, хотя тема разговора была нихера не смешная, я списывал на остаточный эффект препаратов, коими меня стопудов накачали, когда собирали по кускам, и на радость от того, что я всё же жив, пусть и не совсем в том виде, в котором мне бы хотелось.

Цель изучения — нормализация физического состояния студента, а не нарушение права на личную тайну.

— Надо же, — от этой новости я вот прям сильно удивился. — У меня мало того, что есть права, так я ещё и могу

свои секреты сохранить.

Новость прямо и без иронии шикарная. А то я да и все наши — те ещё Плюшкины, что тащат за спиной гору шкафов, по маковку забитых скелетами. И мы ну уж очень не хотим их открывать, да и у других студентов — мало того что они почти все мажоры, но даже если не у них самих, то у их семей есть такие тайны, о которых вслух даже после конца света не скажешь. И Джулия это только что подтвердила.

У студентов могут быть индивидуальные, групповые и родовые закрытые практики, если они не угрожают стабильности Академии.

Я хмыкнул, и от этого рёбра отозвались болью так остро, будто их решили проверить на прочность молотком.

— Родовые практики, значит, — проговорил я, морщась от уже вновь затихающей боли. — Красиво звучит. Запиши тогда: секрет мой и моего ближнего круга. Скопировать нельзя.

Причина невозможности копирования?

— Секрет.

Недостаточно данных.

— Зато честно.

Пауза.

Информация принята. При добровольном решении раскрыть метод Академия предоставит исследовательские и кредитные бонусы.

— Спасибо за столь щедрое, пусть и невнятное предложение.

ние, но нет, я, пожалуй, при своих останусь.

Я прекрасно понимал, что Джулия могла просканировать моё тело буквально насквозь, но она не видела главного. Да и, будем честны, не могла увидеть. Она не видела мою душу.

Я осторожно потянулся вовнутрь себя, не разумом даже, а тем странным чувством, которое после всех наших ритуалов, жертв и прочих кровавых безобразий стало почти привычным.

И я увидел её.

На спине моего астрального тела, если эту дрянь вообще можно было так назвать, висел кокон. Тяжёлый, тёмный и плотный. Будто кто-то живой нитью пришил к моей душе рюкзак и сказал: неси, мальчик, долго неси. Десятки лет неси. Корми. Терпи. Потом, может быть, из него вылупится то, что тебе, возможно, даже откусит голову в качестве первого приветствия.

Так должно было быть.

Ещё тогда при нашей первой встрече «Та, кто хранит» посадила этот кокон мне, и он должен был питаться мной, через меня и всем нашим ковенom и теми жертвами, кровью и силой, которую мы собирали бы годами.

Но на том лайнере я устроил себе шведский стол. Кровь людоедов текла рекой, а я пил её жадно и всеми силами старался не упустить никого из них. Догонял, хватал, рвал и пил. Пил, пока не заполнился кровью тех, кто сам пожрал хрен знает сколько людей. Грязная, тяжёлая, насыщенная чу-

жим страхом, смертью, безумием и мерзкой человеческой жадностью. Я пил её, потому что искренне думал, что умру. Потому что вакханалия, что смешалась с безжалостной бойней, требовала топлива, а мне уже было плевать на последствия.

И кокон нажрался вместе со мной. Нет, он не обманул время, созрев раньше положенного. Он именно что нажрался, получив такую порцию концентрированного и токсичного допинга, что его распёрло до предела, а когда я падал в море, он раскрылся, чтобы спасти меня и себя.

Из него должна была родиться не она.

Я помнил её мать, будто бы это происходило прямо сейчас. Каким бы ни был сильным или, наоборот, тупым человек, подобные грандиозные моменты своей жизни невозможно вырезать из памяти. Это было монструозное существо, которое было сложно описать словами или дать чёткое определение, на кого оно было похоже. И вскормить мы должны были именно его дитя, что, родившись, должно было стать новым альфа-хищником того мира, чтобы вырасти и пойти дальше в те планы бытия, в которых обитает его мать и подобные ей существа.

А родилась девочка.

Тёмная, маленькая и слишком человеческая. С крыльями, что состояли из рваных кусков тьмы. Когтями на всех покрытых чёрной чешуёй конечностях и с нечеловеческим в своей хищной мимике, но при этом настолько прекрасным

девичьим лицом. Каждый раз, когда она называла меня своим отцом, внутри становилось тепло, странно и одновременно тяжело и почти что больно.

Считал ли я её дочерью? Ну, если порождение демона изнанки, сплетённое с куском моей собственной души, что был вырван с мясом, можно назвать моим ребенком, то да, ну а если в человеческом смысле, то нет. И какой из вариантов мне ближе, я не знал.

Но факт оставался фактом: она до сих пор была буквально пришита ко мне. Питалась через меня. Слышала и познавала мир через меня. Спала, свернувшись милым клубочком в моей душе, если это выражение вообще не надо сжечь за излишний пафос. Для неё я был первым голосом, первым теплом, первой кровью и буквально центром всего её мира.

Если это можно назвать отцовством, то, видимо, в нашей больной реальности оно так и выглядело. А кто я такой, чтобы спорить с целым миром.

Сейчас она спала.

После своего рождения, когда она, вцепившись в меня своими когтями, тормозила наше падение на изнанке и остатками сил поддерживала мою борьбу со стихией, если, конечно, про трепыхание в волнах переломанного недобитка можно так назвать, она буквально выжала себя досуха, и лишь когда опасность миновала, она снова забралась внутрь своего разорванного кокона, так там и уснув.

Студент Колесников, вы не отвечаете на уточняю-

щие вопросы.

— Думаю, — ответил я, возвращаясь в реальность.

Текущее состояние допускает кратковременную когнитивную задержку. Однако сокрытие информации может затруднить стабилизацию.

— Я тебе сказал достаточно. Пил кровь. Выжил. Побочные эффекты имеются. Дальше сама ковырайся в физике процесса.

Формулировка «побочные эффекты имеются» признана недостаточно точной.

— А мне нравится, живи с этим.

Диагностика завершена.

Рекомендация: ограниченная двигательная активность в течение ближайших четырёх часов.

Рекомендация: избегать боевых столкновений в течение ближайших двадцати четырёх часов.

Рекомендация: не умирать до завершения наблюдения за остаточными изменениями организма.

Я открыл глаза.

— Вот это особенно ценно. Ты меня сначала снайпнула в полёте, а теперь просишь не умирать. Джулия, ты у нас буквально синоним слова «забота».

Средства обороны Академии действовали согласно протоколу.

— Передай этому протоколу, что он мудака, редиска и я с ним больше не дружу.

Ответа не было.

Капсула наконец зашипела. Внутреннее давление выровнялось. Крышка медленно ушла вверх, выпуская наружу запах лекарств, мокрой кожи и чего-то стерильно-медицинского.

Сесть я решился далеко не сразу, ещё крепки были в памяти болевые спецэффекты, что сопровождали моё пробуждение. Собрав яйца в кулак, я опёрся о края капсулы и медленно подтянулся. Мир качнулся, но я удержался и не упал, и всё-таки принял сидячее положение, осматривая незнакомую комнату с рядами десятков медицинских капсул.

Рядом лежала специально подготовленная для меня форма. Я аккуратно выбрался из капсулы. Ноги держали — что уже было нешуточной победой. Когда начал одеваться, клыки снова царапнули нижнюю губу. Не сильно, но достаточно, чтобы я раздражённо выдохнул.

— Это точно нельзя было откатить?

Остаточные изменения зубочелюстной структуры признаны стабильными и функционально допустимыми.

— То есть нельзя.

Формулировка неточна.

Я плюнул и не стал спорить. У меня и так много забот, а эту барышню, что так умело прячется за строгими машинными формулировками, всё равно не переспоришь. Ну любопытно ей, что из этого выйдет, и всё, как говорится, пиши

— но беги.

Зеркала в медблоке не было. Или оно было, но система решила не травмировать пациента лишней информацией. Очень мило с её стороны. Я провёл ладонью по лицу и понял, что с ним действительно что-то не так.

Кожа под пальцами казалась тоньше. Скулы — острее. Под глазами что-то изменилось, хотя я не мог понять, что. Губы легли на клыки иначе. Лицо было моим, но будто его пересобрали с уклоном в сторону «хищная сволочь, руками не кормить» или «с рук не кормить», а хер с ним, как правильно.

Дверь передо мной открылась.

Коридор медицинского корпуса встретил меня аккуратными бежевыми стенами, мягким светом и людьми, которые очень старались не выглядеть так, будто пришли посмотреть, вылезет из капсулы Иван или уже совсем не Иван.

Получалось у них ну прям очень херово.

Мари, что стояла ближе всех, смотрела на меня с шоком и беспокойством. Прямо за её спиной расположилась холодная и непрошибаемая Макото. Чуть дальше сгрудились Рита, Костя, Рыжий, Зоя и Рюрик. Ещё пара наших маячила у стены, будто перекрывая подходы к месту, в котором собралась делегация встречающих.

Глядя на этот комитет по встрече, я с облегчением понял: основная толпа явно осталась в общежитии. А то если бы сюда припёрлись вообще все, тут было бы вообще не про-

толкнуться.

— Лютый где? — спросил я.

— Лютый в «Скале» остался, — весёлым голосом ответил Рыжий. — Мы спички тянули, кто в пролёте... — он осёкся под моим внимательным взглядом, но тут же продолжил: — То есть я хотел сказать, останется за главного. А то сюда и так хотели пол-общезития притащить.

— Удивлён вашей продуманности в моё отсутствие. — От моей неловкой шутки ребята улыбнулись, некоторые, правда, сделали это как-то вымученно.

— Это я предложил, — буркнул Костя. — Остальные хотели устроить массовое паломничество к святой капсуле.

— Не доросли ещё из меня реликвий делать, — сказал я и сделал шаг.

Пол под ногами чуть качнулся. Совсем чуть-чуть, но меня повело. Рита сделала робкую попытку броситься ко мне, чтобы поддержать, но я остановил её поднятой рукой, а то взяла моду из меня старика делать, я всего лишь с неба упал, а не мизинчиком стукнулся.

Зоя была до неприличия бледная. Для неё было редкостью так откровенно показывать своё состояние. Обычно она держалась строже, как-никак капитан собственного отряда.

Ан нет, ошибся, в порядке она.

Я заметил, как она работала быстро, цепко и профессионально, с нечеловеческой скоростью фиксируя всю возможную информацию, что могли выдать искусственные глаза.

Мари оставалась неподвижной. Она не бросилась ко мне с объятиями. Не разразилась слезами. Не начала читать мне нотации о моей безответственности, хотя имела на это полное право. Она просто наблюдала. Внимательно и изучающе.

— Что? — не выдержал я и спросил, осматривая себя.

— Лицо, — сказала Мари.

— На месте, — тут же отчитался я и нисколечко не соврал: оно и вправду было на месте, сам лично ощупал.

— Ваня, оно изменилось, — с нечитае­мой интонацией проговорила она.

От этих слов я не на шутку напрягся. Я-то его не вижу. Может, там вообще мрак, а я и не в курсе.

— Насколько плохо? — всё же вернув щепотку серьёзности в голос, спросил я.

Глава 3

— Насколько все плохо? — спросил я.

Прежде чем ответить, сестра сделала паузу, от которой я невольно напрягся. Будто считав мое беспокойство, она все же решила не затягивать и ответила.

— Ты стал бледнее. Черты лица... заострились. Глаза красные. — Говоря это, она следила за моим выражением лица, будто проверяя на прочность тонкий лед.

— Так они и раньше краснели, — я выдохнул, а с моей души будто камень упал, но, судя по взглядам остальных, на этот раз речь шла не о временном спецэффекте в искусственных глазах.

— Раньше они светились, когда ты был... — Мари сделала паузу, будто подбирая слова, чтобы описать мою странность, которой она стала свидетельницей еще в первый день нашего пребывания. С того момента в коридоре она не поднимала этой темы, а я так и не рассказал ей о ковене. Она все же договорила: — Когда ты был раздражен. Сейчас они просто красные, а еще и клыки эти.

Я в очередной раз за сегодня провел языком по лишним зубам.

— Да, с клыками я уже познакомился.

Макото, как и положено самоназначенной телохранительнице, стояла за спиной своей госпожи и с невозмутимым вы-

ражением лица осматривала меня. И, что очень радовало, она не спешила бросаться на меня с криками «умри, богомерзкий упырь». Да-да, и такие случаи в моей жизни уже успели случиться.

— Ты сильно изменился, — она на мгновенье замолчала и тут же продолжила уже с большей теплотой в голосе, — но я рада, что теперь с тобой всё в порядке.

Я кивнул, ничего не говоря, да оно и не было нужно. С Макото мы и так понимали друг друга в таких вопросах. Мы оба были воинами, и нас роднила общая цель — защитить Мари.

— Да, в этот раз передряга вышла чуть хуже, чем бы того хотелось, — сказал я нарочито дурашливым голосом, чтобы разрядить атмосферу.

Зоя наконец не выдержала и раздраженно выдохнула почти беззвучно.

— Я говорила, что ты влезешь в какое-нибудь дерьмо с тем лайнером, — сказав это, она тут же осеклась под моим взглядом и моей широкой зубастой улыбкой.

— В мою защиту, — поднял я руку в жесте «сдаюсь с личным», — я к ним вообще не приближался, только старушку спас, а эти негодяи меня подло подстрелили и затащили к себе в логово.

— Старушка? Логово? — А это уже снова Мари.

Я поморщился, потирая грудь, что уже давно зажила, но вот воспоминания, как из нее торчит наконечник гарпуна,

останутся со мной еще надолго.

— Ага, на том лайнере была секта стариков-людоедов, — сказал и заметил, как в коридоре после сказанного стало тише.

Нет, не то чтобы до этого тут было прям шумно. Просто от таких подробностей все застыли от шока... Не, ну как все. Костя, Рыжий и Рита посмотрели на меня с пониманием. В отличие от остальных, они и так знали, что там было. До сих пор помню их панические крики, доносившиеся до меня во время бойни, что я устроил тем недохищникам, и какая патока блаженства полилась, когда они узнали, что я в полном порядке. Всему виной было влияние ковена, что сплел наши души противоестественной связью, и пусть в обычное время это было и незаметно, но разум всех, кто связан со мной, безвозвратно искажен. Я мог бы сотворить буквально всё, что при...

Расскажи, пожалуйста, что там было, - прервала мои тяжелые мысли Мари, успевшая к этому моменту прийти в себя.

И я рассказал всё, что там было. Почти всё, ведь ради спокойствия сестры ей не нужно было знать всех кровавых подробностей того дня.

— На лайнере были каннибалы, — начал я. — Не простые выжившие или напуганные старики, как нам тогда казалось. — Судя по глазам Мари, она не до конца осознала, что я сейчас сказал.

— Да-да, не удивляйся, в таком мире мы сейчас живем. — Так вот, организованная стая тварей, только и делавшая всё это время, что заманивала людей и ела их. — Ну вот и я по тупости попался в их засаду. Встретил парнишку, кстати, он тоже русский, Артёмом зовут, вот с ним сообща и выбрались.

— А сейчас он где? — спросила Мари, но по ней было видно, вопросов у нее еще много, и я отчетливо понимал, что сдерживается она только потому, что мы не дома, и стоит нам только добраться до скалы, как с меня буквально не слезут, пока не высосут всё, что только можно.

— Так на лайнере и остался, не суда же мне его тащить. — И, мысленно прикидывая, продолжил: — Живой был, когда я улетал. Нормальный такой парнишка, умный, рукастый, слегка охреневший от происходящего. Но у него какой-то странный фетиш на отрубленные головы. — И стоило Мари попытаться задать мне вопрос, прервал её и тут же продолжил: — Но я его не виню ни в чем, наш мир безумен, и его странность даже не самая странная, поверь мне на слово.

— Ты бросил нашего земляка на лайнере с людоедами? — спросил Рюрик с явным недовольством в голосе.

— Но-но, не надо мне тут упреков. Я там всё подчистил и его оставил на хороших позициях. — Скептические и недовольные взгляды, что скрестились на мне, отчётливо давали понять, я их не убедил. — Так о чём это я? А, ну да, Тема — пацанчик разумный, уверен, он выкрутится.

Рюрик медленно кивнул, давая понять, что мои доводы

услышал, но, уверен, эту тему он еще поднимет.

Зоя, что всё ещё продолжала смотреть на меня с эдаким ленинским прищуром, заметила.

— Конечно, Зоичка, недоговариваю. — От услышанного обращения она зарделась, а я всё продолжал: — Если я расскажу всё сразу, что там было, у нас весь день на это уйдет, а оно нам ну уж точно не надо.

Мари посмотрела на меня так, будто хотела продолжить расспросы прямо сейчас, но передумала. Умная. Очень умная. В коридоре могло быть слишком много чужих ушей. Джулии я не смущался, она и так всё время с нами, но вот раскрывать подробности внешнего мира посторонним я не собирался.

— Пойдём, — сказала Мари, беря меня под руку. — Расскажешь позже.

— Если только часть, — уточнил я, позволяя ей вести в нашей паре.

— Иван, — зашипела сестра, впиваясь ногтями мне в кожу.

— Мари, — широко улыбнувшись и игнорируя боль, ответил ей я.

— Осел, — это рыжий придурок, что не удержался и выкрикнул это на весь коридор, за что и поплатился, отхватив два подзатыльника. Один от Кости, второй от Зои.

Мы посмотрели друг на друга и оба синхронно засмеялись. В этот момент я отчётливо почувствовал, как напряже-

ние, что до этого только нарастало, уходит. Но отчётливо понял, что рано или поздно надо будет рассказать сестре о колене. Нет, не принять её в культ, Великая упаси, такой судьбы я для Мари не желаю, но вот рассказать я просто обязан.

Такой представительной компанией мы и вышли из медицинского корпуса. Тут же заметил, что тут что-то не так, и мы как-то странно распределились. Я и Мари, которая всё так и продолжала держать меня под руку, будто юная леди в компании кавалера. Макото, которая будто приклеенная держалась за спиной моей сестры, рыскала глазами, будто ожидая нападения врагов в любой момент. Костя и Рыжий вырвались на несколько шагов вперед, став нашим авангардом. Рюрик так и продолжил идти последним, будто заняв место арьергарда, готовый прикрывать наш тыл. Рита, к моему удивлению, пристроилась подле меня, и я был уверен, что еще мгновение, и она возьмет меня за вторую руку, но непонятно почему сдержалась, так и продолжив идти слева от меня, старательно не пересекаясь со мной взглядом.

Неудивительно, что мы стали привлекать огромное количество внимания с первых секунд, когда попали в более людные части академии.

Студенты на нашем пути расступались, другие просто пялились, старательно делая вид, что очень заняты работой с интерфейсом, но по их зрачкам я видел, что это всего лишь театральщина, причем бездарная. Остальные же не скрывали своего интереса и смотрели прямо, переговариваясь друг

с другом.

Я буквально чувствовал кожей их взгляды, после выхода из капсулы и произошедших изменений моя чувствительность многократно возросла. Это было похоже, будто десятки тонких перышек, не переставая, скользят по лицу, глазам и руке, что сплетена в данный момент с той самой отверженной Сугаварой. И этот зуд раздражал, нет, он буквально бесил меня. Но я отчетливо понимал, отныне для всех я не просто русский мальчик Ваня, что в дикости своей может наплевать на устои высшего общества. Отныне я правая рука и главная опора своей сестры, которая даже несмотря на свою отверженность продолжала быть частью всего этого благородного балагана. Краем взгляда я видел, что пусть многие продолжают смотреть на нее с презрением, но некоторые делают это с интересом и мысленно прикидывая будущие расклады.

Я мало что понимал во всех этих раскладах. Да и плевать мне было на них, если быть до конца честным. Я патриарх собственного ковена, и никто тут не был равен мне по статусу, пусть они этого и не осознавали.

— Тайра совсем распоясался, — негромко сказала Мари, когда мы вышли в переход между корпусами.

— Это который? — спросил, пытаюсь понять, про кого она вообще говорит.

— Младший, — уточнила она, поморщившись, будто говорила о навозном жуке.

— А, тот самый утырок, — всё же припомнил я того выродка, что решил поиздеваться над моей Мари, а потом ползал по полу в собственной крови и моче.

— Его брат стал президентом студсовета, и Харухико теперь считает, что ему дозволено больше, чем раньше.

— Ему и раньше так казалось, — сказал я, напоминая про самый первый день в академии. — Обломали один раз, обломаем и во второй.

— Сейчас всё стало хуже, — добавила она, будто намекая на что-то.

Я хотел уточнить, что этот утырок успел уже натворить, но судьба сама решила не откладывать демонстрацию в долгий ящик.

Предмет нашего разговора стоял впереди в тени здания, как обычно окруженный своими прихлебателями и держа за жопу дерзкого вида японку, что уже успела где-то добыть краску для волос и выкрасить отдельные локоны в красный цвет. Вид у самого Харухико был почти прежний: самоуверенная морда лица, расхлябанная как попало форма студента академии и внешний вид, что явно говорил всем, что именно он тут хозяин мира и всё ему нипочем.

Выслушивавший с ленивым видом подобострастные причитания своего лизоблюда, Харухико наконец-то заметил нас, ну как нас, этот дебил уставился на Мари, даже не удостоив своим вниманием ее сопровождение.

«Ошибка. Фатальная ошибка», — подумал я, мысленно

предвкушая свою новую шутку.

Лицо Харухико тут же начало складываться в презрительную маску. На нем отчетливо читалось желание ляпнуть что-то умное. Ну, по его мнению, конечно, умное. Что-нибудь про Сугавару, русских, собак, место в иерархии, старшего брата или всё это сразу.

Ну, а потом он увидел меня. На его лице сначала проступило злое узнавание, что тут же сменилось страхом. Я же в свою очередь не стал ничего говорить, лишь повернул голову в его сторону и просто-напросто улыбнулся во весь тактический охват пасти.

Харухико открыл рот, и на его лице смешалось буквально всё: паника, злость, обида, желание сбежать и вместе с этим застыть на месте в надежде, что на этот раз его пронесет.

Его лицо побледнело так быстро, что я даже слегка впечатлился. Взгляд дернулся и упал сначала на мои клыки, потом на кроваво-красные глаза.

Один из его приятелей хотел что-то спросить, но Харухико едва заметно качнул головой, останавливая его. Это не был повелительный жест, что он лениво кинул своему подчиненному, просто этот трус буквально не мог пошевелиться от страха, что сжал его сердце, а все его силы и без того были направлены, чтобы вновь не обоссаться. Его дружки только сейчас решили посмотреть, куда же смотрит их лидер, и обернулись на нас, но я уже отвернулся, и мы продолжили фланировать мимо них. Ну, не удержавшись, я все же

решил еще попаkastить и в последний момент вновь повернулся к этой компании и с самым доброжелательным выражением лица и вновь натянутой улыбкой приветственно им кивнул. Теперь уже застыли все они... Ан нет, не все, та самая японочка, которую Харухико продолжал держать за задницу, внимательно и заинтересованно посмотрела на меня и кокетливо улыбнулась многообещающей улыбкой.

— Не делай так, — сказала Мари, когда мы отошли.

— Как? — спросил я, прикинувшись дурачком.

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду. — Посмотрела она на меня, словно на маленького, и плевать ей было, что именно я тут старший брат. — Вань, ну ты же понимаешь, что так нельзя.

— Я просто поздоровался с ними и был при этом доброжелателен, — с улыбкой ответил излишне серьезной сестре.

— Ты доброжелательный только когда спишь зубами к стенке. — Она сделала небольшую паузу и продолжила уже более мягким тоном: — Особенно теперь.

Макото, как и остальные шедшие возле нас ребята, не сдержалась и тихо хмыкнула. Да, для постороннего это было почти незаметно, но я уже успел достаточно ее узнать и понимал, что это вполне можно засчитать за веселый смех. Я одобрительно посмотрел на нее и улыбнулся, на что она нарочито не отреагировала, все так же продолжая отыгрывать роль самурая подле госпожи.

Продолжая наш путь домой, ребята негромко вводили ме-

ня в курс тех дел, что я успел пропустить за время своего недолгого плена. Мы уже успели спуститься на несколько уровней вниз и как раз проходили мимо торгового района, что еще с первых дней успел мне запомниться стерильной пустотой, будто я смотрю не на настоящую улицу, а на киношные декорации. Причиной тому было то, что ставни тогда были закрыты, а за неприступностью дверей следила Джулия лично. Я хотел просто пройти мимо, как делал десятки раз до этого, но взгляд уловил неправильность с той стороны.

Там, где еще совсем недавно были неприступные фасады, теперь появились признаки изменений. Нет, там не кипела жизнь, и меня не ослепило светом неоновых вывесок, но уже и не то сонное царство, что было раньше. Напротив одного из магазинчиков студенты складывали защитные панели, которые как раз с него и сняли совершенно недавно. Другие в это время уже крепили вывеску, что всем своим видом говорила: она сделана буквально недавно. И такое место было далеко не одно. Чуть дальше виднелась открытая дверь, напротив которой была горкой навалена всякая рухлядь: коробки, разобранный стол и как апофеоз картины, двое ботанистого вида студентов, которые самозабвенно спорят, что-то тыкая на планшете.

— Это что? — спросил я, застыв на месте.

— Первые лавки, — сказала Мари.

— Когда успели?

— Пока ты падал с неба, умирал, оживал и портил статистику Джулии.

— Звучит как продуктивное утро, — усмехнулся я, но, поймав недовольный взгляд сестры, всем своим видом изобразил покорность и желание внимать ее мудрости.

— Некоторые студенты получили право на аренду отдельных лавок. Похоже, Джулия начала открывать новые возможности для развития и реализации. — Я понял, что она имела в виду, когда говорила про новые возможности. Комитеты и общежития — эти две стороны силы, антагонизм которых был виден невооруженным глазом. Теперь же в наш расклад добавились еще и молодые предприниматели, которые дополняют общую картину местного баланса сил.

— А то, что все эти студенты на вид чистые ботаники, это ведь не случайно? — продолжил я распутывать цепочку информации.

— Да, ты прав. Это в основном те, кто скрывался от буллинга сверстников в здании клубов. Как я узнала позже, в процессе тестирования был небольшой нюанс, который они использовали, чтобы ночевать прямо там, — она сделала небольшую паузу и посмотрела на меня, ожидая, дойдет до меня или нет. А до меня не просто дошло, до меня прямо долетело, что стало отчетливо видно на моем лице. Удовлетворившись, Мари продолжила: — Так они и залипали в симуляторе, раз за разом проходя первичное тестирование, чтобы подтвердить уже имеющиеся знания. Как итог, несколько

студентов получили право на торговые или обслуживающие точки.

Я посмотрел на сияющую своей новизной вывеску, на двух японцев, которые спорили из-за расположения полок так серьёзно, будто от этого зависела судьба всего мира. Хотя, может, и зависела. В нашей новой реальности полка с товаром могла значить больше, чем красивое заявление студсовета. Не, ну, может, я, конечно, преувеличиваю и не знаю всех деталей, но что-то прям интуиция бьется в предчувствии скорой драки, пусть и необязательно в буквальном смысле этого слова.

— Значит, гонка началась, и в нашем забеге прибавилось лошадок, — серьезным голосом, из которого пропала вся напускная веселость, проговорил я.

— Ага. — Кивнула и без того серьезная Мари.

Мы оба отчётливо понимали, что открытие торгового района означает только одно: скоро по иссушенным венам местного общества польётся горячая кровь перемен, движения и метаморфоз.

Выйдя из торгового района, наша группа двинулась к внешним переходам. Дальнейший путь был тихим. Центральные корпуса остались позади, а впереди начиналась та часть Академии, где громада строений уступала пусть и куцей, но всё же природе.

— Что у нас с деньгами? — спросил я, принявшись к запаху осенней природы.

— Лучше, чем было. — С облегчением в голосе начала рассказывать про наши финансы Мари, которая была рада отвлечься от тяжёлых дум. — Джулия начислила бонусы за данные по внешнему форпосту, за информацию о лайнере, за аномалии твоего состояния и ещё за несколько пунктов, которые она назвала «ценным практическим материалом».

— Приятно быть полезным. — Сказал я, не скрывая иронии.

— Я тоже так подумала и с радостью взяла награду, — проигнорировав мои кривляния, продолжила сестра. — Этих денег с лихвой хватило, чтобы мы наконец закончили мастерскую Макса.

Я сразу оживился.

— Уже?

— Да. — Она кивнула утвердительно. — Он залез туда почти сразу, как только помещение открылось. С тех пор, как только приходит с занятий, он запирается там и выходит только за едой.

Рыжий решил вставить свои пять копеек:

— Он сейчас перебирает и чинит всё подряд. Арисаки, штурмгеверы, трофейные «Калашы», дробовики. Ещё разложил какие-то детали по ящикам и сказал, что если кто-то без спроса полезет, то он сделает из виновного учебное пособие по орочей кибернетики, что бы это ни значило.

— Узнаю Макса. — Похихикал я, вспоминая, что наш командный технарь — ярый фанат одних зелёных изобретате-

лей из вселенной, где война не заканчивается.

— К нему ещё техники из других отрядов подтянулись, — продолжил Рыжий. — Так теперь он там всем командует-командует, только мат и лязг металла оттуда и слышно.

Это была хорошая новость. Даже очень, ведь без службы РАВ мы далеко не уедем, и если уж Макс за это взялся, то я могу быть спокойным хотя бы за эту часть нашей структуры.

— Ещё зал сделали, — сказала Мари, будто только что про это вспомнила.

— Какой именно? — спросил я, припоминая, что мы это уже обсуждали.

— Пока только специальный зал для спаррингов, — ответила мне сестра и нарочито перешла на шепот: — Мы хотели сначала сделать профильный под кендо, но это было заметно дороже. Макото тогда еще несколько часов ворчала.

На такое обвинение уже сама Макото решила внести несомненно важное уточнение:

— Я не ворчала. Я указала на недостатки принятого решения.

— Ворчала, — сказал Костя с видом, будто приговор выносил.

Макото с прищуром посмотрела на него, будто хотела сквозную дыру прожечь, на что Костя, гад такой некультурный, не соизволил даже задымиться хотя бы из вежливости.

«Н-да, с таким подходом жену мы ему не найдем», — подумал я и тут же прогнал эту мысль. А то мне же не только

Косте нужно пассивность искать, но и всем своим товарищам, а это охереть как сложно, особенно если учитывать замшелые законы ковена, что даже мне поменять не под силу.

Я усмехнулся, вспоминая некоторые из правил и ритуалов, что вообще никак не соотносятся с привычной моралью. Клыки неприятно натянули губу, отвлекая от тяжелых размышлений.

Так, думая каждый о своем, мы и вышли на тропу, что ведет напрямиком к «Скале».

Воздух тут был другой. Солёный, влажный, с запахом камня и моря. Под ногами бетонная дорожка, глядя на которую у меня всплывали исключительно поганые воспоминания. Во время недавнего шторма нам дважды за день приходилось проходить по этой дороге, и, что самое мерзопакостное, неважно, куда ты идешь, к дому или от дома, ветер, словно издеваясь, всегда шел на нас, загоняя тяжелые дождевые капли прямо в лица.

Как вдруг в мою голову пришла идея, и теперь я смотрел на тропу совершенно иначе.

Узкая и неудобная. В плохую погоду опять грозившая превратиться в мокрую полосу страданий.

— Надо расширять, — сказал я таким тоном, будто констатировал очевидное, правда, поймав недоуменные взгляды товарищей, понял, что данная идея пришла мне одному.

— Что? — спросила Мари.

— Тропу нужно расширять до нормальной дороги. Или

хотя бы до такой ширины, чтобы можно было по ней ездить, а то сколько можно ноги сбивать, ходя туда-сюда. — Вот теперь все поняли, что я имею в виду, и даже сами задумались и стали рассматривать дорогу, явно думая, как это проверить. Уж очень хорошо все помнили наши прогулки под дождем.

— Я думала об этом и... — с задумчивым голосом проговорила сестра, но, не дав ей договорить, я продолжил.

— Ещё нужен транспорт.

— На острове? — Это решил отозваться Рюрик, про которого я уже успел позабыть, уж слишком тихо он двигался за нами.

— Да, — сказал я, повернувшись к нему. — Для начала нам хватит и маленького автобусика. Или электрический кар, типа тех, что мы в порту видели. Да что угодно, чтобы в новый шторм не переться под дождем, как идиоты.

Мари поморщилась.

— Вань, ты же знаешь, система плохо относится к двигателям внутреннего сгорания, помнишь ту истерику, когда мы боты хотели на берег вытащить.

— Помню, — согласился я с этим доводом, но тут же продолжил: — Значит, найдём то, к чему она относится нормально. Электрички там или гибриды. Замародёрим что-нибудь на суше и будем держать в гараже.

— У нас нет гаража.

— Пока нет, но я уверен, что в настройках расширения

общезития найдется что-нибудь подходящее.

Она посмотрела на меня уже почти с улыбкой.

— Ты только что вышел из медицинской капсулы. — Она недоговорила, но я закончил за нее.

— И сразу мыслю инфраструктурно. Гордись. — Выпятил я грудь и состроил такую морду лица, что Мари смешливо прыснула и засмеялась.

Так мы и дошли до входа в наше общежитие. Холл встретил нас мягким светом и встречающей делегацией, которая радостно поприветствовала меня громогласными криками. Я со всеми обнялся, ответил на несколько удивленных вопросов по поводу своей внешности. И да, я произвел фурор, но под внимательными взглядами командиров все предпочли не заострять на этом тему, но я понимал, что в ближайшее время нам еще предстоит это обсудить.

Костя подошёл ближе и шепнул мне на ухо.

— Патриарх, наши ждут в зале.

Мари, которая была рядом со мной, тоже всё услышала. Она остановилась у входа в боковой коридор и с серьезным лицом спросила:

— Мне можно пойти с вами?

Я посмотрел на неё и с доброй улыбкой ответил.

— Не сейчас, — сказал я.

Она не обиделась, ну или по крайней мере сделала вид, что не обиделась.

— Ладно, на этот раз так и быть, — сказала она с серьез-

ным лицом. — Но, Иван, пообещай, что всё мне расскажешь. — Она запнулась, но продолжила. — Я ведь не слепая и всё и так вижу, только не понимаю, что конкретно.

Я кивнул ей, давая понять, что услышал ее. Сам же развернулся и пошел прочь. Макото осталась с ней. Зоя задержалась, явно колеблясь, но тоже не решилась меня окрикивать. Рюрик пошёл в сторону общего помещения, где только зарождалась будущая гулянка по вернувшемуся командиру.

Со мной шли Костя, Рыжий и Рита.

Мы прошли по новому коридору, что я впервые видел. Его ещё не успели обжить. Стены чистые, панели свежие, а под ногами покрытие без царапин.

Зал для спаррингов, к которому меня вели мои товарищи, был за тяжёлой дверью. Костя открыл ее и, почтительно поклонившись, пропустил меня вперед. Я вошёл, и за мной последовали остальные. Дверь за нашими спинами плотно закрылась.

Зал был большим. Маты устлали пол, крепления для тренировочного оружия, несколько манекенов и свободное пространство в центре. Всё ещё слишком новое, слишком чистое. Но люди уже успели изменить его. На татами виднелись следы недавнего спарринга, в углу лежали бинты, а у стены были аккуратно разложенные тренировочные ножи, шесты, щиты и что-то похожее на короткие дубинки и сапёрные лопатки.

Но в данный момент всё это было неважно. Главным было

другое, а вернее, другие. Тут собрались все Демоны Севера, весь мой ковен в полном составе. Они не стояли толпой и не разбрелись по залу, нет, они выстроились двумя полукругами. Положение каждого было выверено до миллиметра. В самом построении были видны пропуски, оно и неудивительно, ведь недостающие элементы этой картинки пришли как раз вместе со мной. Но даже так никто не занял их места, это было буквально немыслимо, ведь у каждого члена культа своя роль и свое место здесь, и нарушать его было подобно святотатству.

Прибывшие со мной заняли свои места в первом малом полукруге, что был прямо напротив меня. Слева занял своё место Рыжий. Справа — Костя. Между ними встала Рита, заняв свое место среди еще четырех девушек ковена.

Я остановился напротив них, и тут же Рита опустилась на одно колено. За ней последовали остальные девушки. Они сделали это почти одновременно, но всё равно в каждой из них читалась своя грация. Костя и Рыжий опустились следом. И стоило только первому ряду оказаться в коленопреклоненном положении, как и второй ряд последовал их примеру, опускаясь в положенный каждому момент. Один за другим. Без команды. Без суеты. Колени глухо ударяли в покрытие зала.

Тишина стала полной и всеобъемлющей. Во всем зале лишь один я остался стоять, смотря на своих слуг сверху вниз. Глаза мои вновь пылали красным цветом. В груди же

нарастало чувство правильности всего происходящего.

Я медленно улыбнулся.

Губы разошлись, открывая новоприобретенные клыки. Четыре сверху и два снизу. Слуги уставились на мою хищную улыбку, я понял это по тому, как все в круге едва заметно втянули воздух от клокочущего в них благоговения предо мной, перед их Патриархом.

Рита, как и положено старшей наложнице, первая подала голос.

— Рады приветствовать вас дома, Патриарх, — сказала она, и тут же все повторили за ней, словно единый организм.

И эти слова лязгнули на весь зал так, что от них будто дрогнули сами стены.

Я же сделал шаг вперёд. И сказал, широко разводя руки в стороны, будто желая обнять всех, кто собрался в этом зале:

— Я дома, слуги мои.

Глава 4

Резко пришел в себя от того, что мне в челюсть прилетел удар. Я вздрогнул всем телом и уже было готовился отбиться, но, к счастью, быстро понял: я не в плену, но и не свободен в полном смысле этого слова. Мои руки оккупировали две растрепанные девичьи головки, и именно одна из них разбудила меня столь экстравагантным образом. Я поморщился от неудобства: придавленные руки успели занеметь и отдавали ноющей болью. Это происходило не в первый раз, но всем было наплевать на мои неудобства, ведь личное пространство у патриарха ковена — каким бы страшным людоедом он ни был — штука довольно условная. Раньше меня от этого слегка коробило, оно и немудрено: вот просыпаешься ты и понимаешь, что вокруг тебя куча обнаженных девичьих тел. И эти самые тела... То есть их владелицы... Короче, бабы искренне убеждены, что регулярная близость к твоему телу — не интимность даже, а что-то вроде само собой разумеющейся мелочи.

Ну а потом привык. Людики вообще твари настолько мерзопакостные, что привыкают почти ко всему: к ежедневным уколам, к хищным тварям, потихоньку захватывающим наш мир, к мутациям собственного тела, ну и, разумеется, к тому, что у тебя на астральном теле висит кокон с демоническим ребёнком, которого тебе по задумке полагалось вы-

кармливать лет эдак сто, а теперь там, к твоему шоку, спит маленькая тёмная девочка, что называет тебя своим папочкой.

Ну и, разумеется, к пяти голым девушкам, что всю ночь до этого нещадно тебя эксплуатировали, а теперь спят без задних ног, тоже, как выяснилось, привыкаешь.

Я лежал на спине и смотрел в потолок. Он был новехонький, будто ремонт тут закончился только вчера. Меня завораживало качество и продуманность его конструкции, где каждая плашка дерева была подобрана так, чтобы рисунок и фактура совпадали идеально. Всё это создавало слишком уютный и роскошный образ для человека, который ещё недавно выныривал из Японского моря с ощущением, что только что превратился в мешок фарша и костей.

Мои мысли прервали. Вера заворочалась и что-то пробубнила сквозь сон, я не разобрал, но там было что-то обиженно-недовольное. Но даже так она сохраняла ровное размеренное дыхание, технику которого в нас всеми силами вбивали инструктора. Она была самая искусная из нас и даже давала мне парочку личных факультативов, которые раз за разом заканчивались глубокой проработкой различных тантрических практик.

На моей груди лежала рука Таси. Тихая, цепкая, но при этом почти невесомая. Она спала, уткнувшись щекой мне в плечо, и создавала образ миниатюрной незаметной милой девушки. Обман, причем наглый. Кто-кто, а вот Тася точно

нифига не незаметная, она филигранно умела оказаться там, где надо, раньше всех остальных. В быту, в дежурствах, в спальне. Тихая мышка с зоркими глазами и быстрыми маленькими лапками.

С другой стороны от нее Ника раскинулась так, будто кровать принадлежала лично ей одной, а мы все были просто приложением к интерьеру. Одна нога у неё бесстыже лежала поперёк моего бедра, вторая откинута далеко в сторону, открывая отличный вид на их пересечение. Рука же ее была закинута за голову, теряясь в пышных волосах, разлетевшихся по всей подушке. Даже во сне она умудрялась создавать стойкое ощущение, что стоит ей открыть глаза, и она тут же скажет какую-нибудь милую гадость.

Кира спала на самом краю нашего огромного ложа, что было составлено из нескольких кроватей. Несмотря на сон ее образ все равно оставался аккуратным, холодным и рассудительным. Но даже так её пальцы робко держали моё запястье, словно она боялась, что я опять куда-то исчезну. Кира вообще любила всё контролировать: патроны, еду, настроение Риты и количество идиотов на квадратный метр в отдельно взятом ковене. И если бы ей доверили бухгалтерию ада, то уже через неделю Рита навела бы там такой порядок, что все демоны заманались бы получать разрешения на вилы и пробивали их не как грозное оружие против грешников, а как сельхозинструмент.

А вот Рита... Рита не спала.

Я понял это далеко не сразу. Она лежала справа, между мной и Кирой, и смотрела на меня своим спокойным взглядом. Старшая наложница. Нет, это был не мой выбор, не то чтобы я, как «царь во дворце», пришел когда-то, ткнул пальцем и назначил ее любимой женой. Тут всё проще и сложнее одновременно, мы не выбирали, какое место в ковене займем, так решила сама Та, кто хранит, и мы покорно приняли путь, по которому нам теперь суждено идти. И, в отличие от меня, все сделали это с удовольствием...

— Проснулся? — спросила меня Рита, посмотрев прямо мне в глаза.

— Угу, — замороженно ответил я, утопая в этих омутах.

— Как себя чувствуешь? — спросила она с искренней заботой в голосе.

Я осторожно пошевелил плечом, отчего онемевшие руки отдались новой волной бодрящей боли. Потом настал черед ног, вслед за ними настала очередь новообретенных зубов, что все так же непривычно ощущались, стоило только провести по ним языком.

«Прелестно, просто прелестно», — раздраженно подумал я. — «Теперь каждое утро будет начинаться с проверки, не отросло ли у меня за ночь что-нибудь лишнее».

— Живой, — сказал я с улыбкой, старательно скрывая внутреннее беспокойство, и тут же продолжил, не меняясь в голосе: — А это в наше время уже повод для праздника.

Ника, что тоже уже проснулась, открыла один глаз и не

преминула тут же выдать очередную свою колкость.

— Праздник был бы, если бы ты вчера не решил изображать сбитый метеорит.

— Это не моя вина. Меня Джулия сбила, — ответил я со всем возмущением в голосе на этот поклеп.

— Оправдания для слабаков, — сказав это, Ника вновь закрыла глаза и перевернулась на бок, открыв отличный вид на свою аппетитную задницу.

«И ведь явно специально так сделала», — подумал я, бесовестно любуясь на прелести своей наложницы. — «Эх, и манит же, чертовка, своим задом, так и манит».

— Оправдания для следствия, — пробормотала Кира, что даже не удосужилась открыть глаза. — Кстати, для справки, было очень сложно делать вид, что мы, как и все, ничего не знаем про твои приключения.

— Мы и неофициально знаем только то, что наш Патриарх опять куда-то влез, — сказала Ника, что все так же лежала, свернувшись в милый комочек, только теперь, вообще не скрывая своих подлых намерений, ерзала туда-сюда своей попкой. — Вернулся красноглазый, клыкастый и с драгоценным дитя, спящим в душе, хотя ей еще формироваться нужно было века эдак до двадцать второго. Короче, стандартный вторник нашего хозяина.

Услышав это беспочвенное обвинение меня любимого, Тася тихо фыркнула мне в плечо. Я же повернул голову к Рите и заговорческим голосом спросил:

— Вот почему она всегда такая с утра?

— Она всегда такая, — ответила мне Рита. — Утро здесь ни при чём.

— Я слышу вашу жгучую зависть моему великолепию, — не поворачиваясь к нам, сообщила Ника. — И она делает меня сильнее.

Вера наконец пошевелилась, приподнялась на локте и спокойно посмотрела на меня.

— Болело сильно? — спросила она, явно намекая на вчерашний полёт, что завершился заплывом.

— Терпимо, — соврал я.

— Врёшь, — с грустью на лице прошипела она.

— Да, — сознался я.

А что еще было делать. Моя связь с девчонками, да и со всем остальным ковенем была двусторонней, и они прочувствовали весь спектр пережитого мной.

— Значит, жить будешь, — с улыбкой ответила она мне, но в ее глазах еще виднелось искреннее переживание за меня.

Вот за что я любил Веру — в ней была истинная медицинская безжалостная обстоятельность. Она не охала и не причитала, изображая заботливую мамочку. Просто смотрела на человека как на набор проблем и недугов, которые просто надо исправить. Ну а если пациент при этом ещё и разговаривает, да ещё и хамит, это значит, что прогноз на лечение сугубо положительный.

Я снова откинулся на подушку и посмотрел в потолок.

Комната была шестиместной, правда, чисто формально. На деле же девчонки уже давно превратили её во что-то своё. Вещи лежали не хаотично, а так, будто каждая мелочь знала своё место. Форма на спинках стульев. Снаряжение у стены. Кейсы с личными вещами, что были выкуплены у Джули еще в самом начале, аккуратно расставлены, чтобы о них никто не споткнулся. Несколько маленьких полок, которые, видимо, успели заказать у системы или вытащить из старых помещений. На одной стояли кружки. На другой — какие-то баночки Веры. На третьей — аккуратно сложенные резинки, заколки и прочая женская мелочёвка, которая в любой нормальной казарме выглядела бы чужеродно.

Ну а тут у нас была и не казарма, тут был наш дом на хрен знает сколько лет.

Что же касается наших таких странных на неискушенный взгляд отношений, так они начались далеко не вчера. Структура ковена, что в замшелости своей изначально предполагала: все женщины ковена принадлежат Патриарху, всё цело и полностью. И этот уклад существовал давно, очень давно.

Девушки, к шоку моему, были не против и давно определили свои роли в этом гареме. Просто раньше, когда мир был обычный... Да хрен с этим пиететом, тупой и кастрированный он был. Так вот, тогда мы всё это прятали от остальных людей. Теперь же, когда обычный мир сдох, все мы просто перестали лицемерить и начали жить как положено, как ве-

лит ковен.

Где-то глубоко в душе старый Иван ещё мог бы сказать: «Это странно, парень. Очень странно. Ты проснулся в окружении пяти абсолютно голых девушек, которые воспринимают тебя как центр своей маленькой вселенной. Может, стоит встать, одеться, открыть дверь и хотя бы попытаться стать нормальным человеком?»

Но старый Иван сказал это как-то вяло и без огонька.

Нынешний же я просто лежал и думал, что в душе моей наконец-то стало спокойно и умиротворенно, ведь в кои-то веки всё встало на положенные места.

Мои размышления прервал стук в дверь. Я вновь распахнул глаза, а девушки, что, видимо, решили устроить с утра пораньше второй раунд, все коллективно приводили меня в боевую готовность и замерли.

Судя по сморщенному в раздражении лицу Ники, она хотела разразиться бранью, но, увы для нее, рот в этот момент был основательно так занят. Освободить его для гневной тирады она не хотела, прекрасно понимая, что стоит ей только отстраниться, как лакомое место тут же займут. Так что она начала что-то несвязно бурчать с набитым ртом, выплескивая свое раздражение, ускорив покачивание головой.

Кира, что уже была наготове, чтобы перехватить всё в свои... Ну, допустим, руки, расстроено выдохнула, но тут же, судя по ее шкодливому взгляду, придумала достойную ответку. Она намотала рыжие волосы Ники с такой силой, что

та с новой силой забурчала и с недовольством во взгляде посмотрела на подругу. Но Кира даже не думала отступить и с силой начала давить на голову Ники, задавая темп и с каждым качком усиливая амплитуду. Ника тут же начала давить-ся, а на глазах у нее наворачивались слезы. Комнату наполнили влажные звуки. Темп нарастал, но Ника даже не думала давать слабину, а Кире уже было плевать, она с помутневшими глазами смотрела на задыхающуюся подругу, прикусывая нижнюю губу.

Вера же с холодным выражением лица неотрывно смотрела на эту картину, сидя на единственном в комнате кресле, что было предусмотрительно повернуто в сторону кровати. Одна из ее ног была закинута на подлокотник, открывая мне отличный вид на ее пропитанные соками пальцы, что непрерывно ходили туда-сюда, отдаваясь во всей комнате влажными звуками. Она поймала мой взгляд, и, глядя в ее осоловелые глаза, я отчетливо понял, что эта вуайеристка специально села именно так, чтобы дать мне полный обзор на то шоу, что она сейчас устраивала для одного лишь меня.

Тася же не стала утруждать себя самостоятельной работой и, не мудрствуя лукаво, оседлала мою руку, совершая постоянные движения бедрами. Заметив, что я смотрю на нее, она вымученно улыбнулась и еще больше увеличила темп. Я наклонился вперед и поцеловал ее в чувственный, чуть приоткрытый ротик, одновременно с этим начиная перебирать пальцами. Пронзительный стон прорвался сквозь наши со-

мкнутые губы, а она сама затряслась в судорогах. Она всегда была той еще скорострелкой. Я отстранился, а Тася повалилась на кровать без сил, и только ноги, что продолжали подрагивать в судороге, говорили мне, что она еще в сознании.

Стук в дверь усилился, и сами удары стали чаще. Незваный гость явно не хотел отступать и готов был на всё, чтобы привлечь наше внимание. Я с просительным взглядом посмотрел на Риту. Она не принимала участия во всём этом безобразии и только смотрела на девочек с довольной покровительственной улыбкой.

— Рит, любовь моя, посмотри, кто пришел... — я в секунду перешел на сип из-за все нарастающего осознания, что дружные потуги Ники и Киры вот-вот приведут к закономерному результату. — Короче, скажи, что мы скоро выйдем.

— Что бы вы без меня делали, кролики озабоченные, — сказав это, она подошла ко мне и, полностью наплевав на писки удивленной Таси, навалилась на ту всем своим обнаженным телом, чтобы только поцеловать меня. Я же с удивлением заметил, что ее язык принялся хозяйничать у меня во рту и, мало того, очень уж старательно пытается своим кончиком коснуться моих клыков. А когда он все же достигал успеха, Рита страстно стонала и вздрагивала всем телом.

Мы разомкнули губы, и я показал одними глазами на все еще содрогающуюся от стуков дверь.

— Только надень что-нибудь, — сказал я ей. — Не нужно смущать остальных.

— Ладно, так уж и быть, я накину рубашку, — серьезным голосом сказала она, но только вот, несмотря на тон, мне что-то не понравилось в той интонации, с которой она это говорила.

Но не успел я додумать эту мысль, как на меня буквально налетела пришедшая в себя Тася, и больше у меня не получалось соображать здраво. Сколько это продолжалось, я не знаю, но в какой-то момент Тасю накрыло вторым залпом, и она опять завалилась без сил.

— Это была твоя сестра, господин мой, — подала голос Рита, что шла к нам от двери. — Она звала нас на завтрак, а я сказала ей, что мы спустимся чуть-чуть попозже.

Я застыл с распахнутым ртом, не в силах оторвать от нее глаз.

— Рита, скажи... — я запнулся. — А ты говорила с моей сестрой в таком виде?

Она с наигранным недоумением посмотрела сначала на меня, а потом вниз на свою... одежду.

— А что не так? Я же сказала, что надену рубашку, я и надела. А что, какие-то проблемы? — со шкодливостью в голосе заявила она мне.

Были ли проблемы в ее одежде? Да, блядь, были. Рита, как и сказала, была в рубашке. В рубашке и больше ни в чем. Так мало того, что помимо этой чертовой рубашки на ней больше ничего не было, так она еще и не была застегнута, прикрывая лишь грудь, оставляя широкую полосу посередине,

открывая на всеобщее обозрение аккуратно подстриженный лобок, а из-за того, что женские форменные рубашки были короче мужских, еще и попку, что в данный момент покачивалась из стороны в сторону, пока Рита медленно шла к нам, явно наслаждаясь моим охреневшим видом.

— Ты хочешь сказать, что моя сестра видела тебя во всей красе? — простонал отнюдь не от удовольствия, хотя Ника вошла в раж и старалась не на шутку. — Скажи, пожалуйста, что ты говорила с ней, не открывая двери... — спросил и по одним глазам понял, что в этой надежде я обломаюсь.

— Нет, хозяйин. Как я могла говорить через дверь, да еще и, мало того что с нашей нанимательницей, так еще и вашей глубоко уважаемой сестрой? Через дверь это невежливо, — она сделала паузу, наслаждаясь моментом, и тут же продолжила: — Я открыла дверь и всё обстоятельно объяснила.

— Бля-я-я, надеюсь, она больше ничего не видела, — сквозь туман в голове я прикинул, что из-за двери не видно кровати.

— Ну как сказать, — проговорила она медленно, приложив пальчик к губам. — Тебя она, может, и не видела, но вот нашу рукоблудку, — она кивнула на Веру, что к этому времени уже закинула обе ноги на подлокотники и уже явно потеряла связь с реальностью. — А еще она наверняка разглядела нашу сладкоежку, ну, по крайней мере, ее аппетитную попку и связанные за спиной ручки, — сказав это, она шлепнула Нику по заднице, отчего та приглушенно застонала, всё

так и продолжая отдавать всю себя столь важному процессу.

Я же с удивлением уставился на ее руки, что действительно были связаны красным ремнем от халата. Так мало того, другой конец оплетал ее шею, явно мешая ей дышать, и покоился в руках Киры, что в данный момент буквально контролировала свою подругу, словно безвольную куклу. А услышав, что у ее игр могла быть зрительница в лице моей младшей сестры, она, застонав, натянула свой поводок, в роли которого был ремень, лишая Нику последних остатков воздуха, а второй рукой начала тягать ее за волосы с такой скоростью, что я даже подумал, что еще чуть-чуть, и Ника либо задохнется, либо ее голова попросту отвалится. Но случилось третье: потеряв последнюю возможность дышать, горло Ники сжалось с особенной силой, и я понял, что это конец. Все мое тело накрыла судорога, что и не думала прекращаться. Распахнув сквозь негу удовольствия глаза, я увидел, что Кира так и не отпустила свою пленницу, со всей силы утянув ее вниз, нанизав ее голову до самого основания. А сама же Кира что-то ласково и одновременно жестоко нашептывала ей на ухо. Но что? Я сомневаюсь, что в данный момент Ника вообще хоть что-то может понимать в принципе.

— Кира, отпусти ее уже, — это решила вступить за младшую подругу Рита, — а то наша талантливая на ротик королева либо задохнется, либо захлебнется, и все, останется наш Хозяин без игрушки.

— Не переживай, Рит, не останется, — с какой-то любо-

вью проговорила Кира, смотря при этом на залитое слезами и соплями лицо Ники. — Ника девочка крепкая. Мы проверjali это и не раз.

Сказав это, она дернула ее за волосы, буквально снимая нанизанную голову Ники. Бедную девушку словно отбросило назад, и она опрокинулась на кровать прямо на свои так и связанные до сих пор руки. Она распахнула рот, жадно вдыхая каждую каплю воздуха и тут же начиная кашлять, выплескивая из горла все содержимое, часть которого так и не добралась до желудка. Все это перемешалось со слезами, слюнями и полосами жидкости, что до этого выходили у нее разве что из носа, создавая тем самым жуткую картину. Но стоило только провести взглядом по ее ни на секунду не прекращающему содрогаться телу, по широко разведенным в стороны подогнутым ногам, всей бурной, буквально фонтанирующей реакции, всем становилось ясно: Ника свое тоже получила, причем в огромных количествах.

Над своей лучшей подругой тут же принялась ворковать Кира. Она ласково положила голову Ники к себе на колени и, что-то шёпотом приговаривая, начала пальцем собирать пролитое и, чтобы не дать пропасть ни единой капле, начала скармливать это ей вновь, а Ника, что так и не думала приходить в сознание, на одних инстинктах всё это с удовольствием принимала.

— Опа! — выкрикнула Рита, про которую я на секунду позабыл. — Нику подняла, место потеряла. Она уже вновь

скинула рубашку, что улетела куда-то в сторону. — Я гляжу, Господин рад меня видеть, — проговорила она, нависая надо мной и беря все, так сказать, в свои руки. А братъ было что: я все так и продолжал смотреть на нашу неразлучную парочку и не заметил, как вновь стал готов ко второму раунду. — Кира, накажи потом Нику, она поигралась и не убралась за собой, — сказала Рита, указывая на то место, где раньше старательно работала головой Ника, а именно на лужу слюней, что она составила после себя. — Так, отмена с наказаниями, я кое-что придумала.

Она зачерпнула пальцами одну из обильных лужиц, что тут были, и, заведя руку за спину, со стонами начала привычные для себя манипуляции.

— Пора и мне напомнить нашему господину, что у меня тоже есть альтернативные таланты, — проговорила она, опускаясь на корточки и одновременно откидываясь назад, отчего я во всех деталях увидел ярко-розовый цветок, раскрывшийся передо мной. Но отчетливо понимал: сейчас не его время. Рита закричала, двигая бедрами туда-сюда, будто привыкая, и только после этого начала свои скачки. Я откинулся назад, отдаваясь ощущениям, но не успел я даже расслабиться, как увидел, что мою голову переступает пришедшая в себя Тася.

— Господин, я еще хочу, — с плаксивыми нотками в голосе она принялась опускать свои бедра вниз. И стоило моей голове оказаться зажатой между упругих бедер, а паль-

дам впиться в миниатюрную попку, что стала тут же ёрзать на мне под стоны своей хозяйки, как я услышал сбоку голос приблизившейся Веры.

— Господин, я тоже хочу сладенького, — донеслось до меня сквозь эти теплые наушники, а пальцы ощутили, что с попкой Таси хозяйничаю не я один. Длинные и тонкие пальцы Веры нашли свое место между моими руками, что разводили в стороны упругие полушария. Тася ойкнула и попыталась подскочить, чтобы избежать непрошеного вторжения, но я удержал ее, и ее крепость все-таки пала, к ее неудовольствию, судя по крикам, смешанным со стонами удовольствия. И последнее, что я услышал, это голос Веры: — После этой скорострелки моя очередь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.